

Прапермское ударение: внутренняя и внешняя реконструкция¹

История пермского вокализма на протяжении всего прошлого столетия, начиная с работы [Wichmann 1915], была и остается одной из наиболее популярных тем исследований финноугроведов.

На разных этапах развития сравнительно-исторического финноугроведения по мере того, как уточнялось представление о структуре прауральского вокализма и появлялись новые сведения о коми и удмуртских диалектах, представители разных лингвистических школ: финской [Wichmann 1915; Itkonen 1953, Sammallahti 1988 и т. д.], русской [Лыткин 1964 и т. д.], венгерской [Rédei 1968]² и т. д., — обращались к исследованию истории пермского вокализма. Но и в настоящее время история развития пермского вокализма остается загадочной. В наиболее полных работах, например, в [Csúcs 2005], отмечается, что каждая прауральская фонема имеет от 3 до 20 возможных рефлексов в коми и удмуртском языках, и уточнить позиции различной рефлексии в большинстве случаев не удается.

По мнению ряда ученых, загадка развития вокализма в пермских языках заключается во влиянии гласных второго слога в прауральском языке на изменение гласных первого слога. Эта точка зрения высказана в работах [Rédei 1968; Sammallahti 1988]. В статье [Sammallahti 1988] сделана попытка систематического описания влияния вокализма второго слога на развитие гласных первого слога от прауральского языка к коми и удмуртскому. Несмотря на несомненную значимость и важность данного исследования, надо отметить, что свои выводы П. Саммаллахти иллюстрирует на материале 27 прауральских лексем. При увеличении количества рассматриваемых слов мы сталкиваемся с другими возможными вариантами развития прауральских гласных в пермских языках, которые не были учтены в работе [Sammallahti 1988].

В других работах, наоборот, подчеркивается значение консонантного окружения в истории пермского вокализма [Itkonen 1953; UEW; Csúcs 2005]. Отмечается, что, например, в том или ином слове произошло продвижение гласного в передний ряд под влиянием соседнего *j, или гласный стал более огубленным под влиянием лабиального согласного. Но система развития гласных первого слога в зависимости от консонантного окружения предложена не была. В работах отмечается, что соседние согласные являются в ряде случаев лишь «палатализирующим» или «веляризирующим» фактором. Почему в одних лексемах этот фактор влияет на развитие вокализма первого слога, а в других не влияет? Почему в одних случаях веляризация *a приводит к одной ПП фонеме, а в другом случае к другой? На эти вопросы ответа в предшествующих исследованиях по пермскому вокализму мы не нашли.

В последние годы появились три работы, посвященные этой тематике [Zhivlov 2010; 2014; Reshetnikov, Zhivlov 2011], в этих статьях предлагается описание развития прауральских гласных первого слога в пермских языках в зависимости от консонантного окружения³ (см. Табл. 1).

Для разъяснения появления позиций дублетов приводится следующее объяснение «ПП. *ó (*wó- в анлауте) перед палатализованными согласными и *rj; ПУ *aji > ПП *i; во всех остальных случаях — *o» [Zhivlov 2014: 124]. Но при такой концепции неясно, как объяснить примеры:

- ПУ *kama- ‘кожура’ [UEW: 7] >
- фин. *katara* ‘корка’,
- ПП *kõm >
- удм. *kumél* ‘die abgezogene Rinde des Lindenbastes’;
- коми *komjél*, *komél*, кя *кумил* ‘кожура’ [Лыткин 1961: 135].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-012-00119а (описание ударения в пермских полевых данных) и РФФ № 15-18-00044 (описание ударения в обско-угорских и самодийских языках).

² Подробный анализ литературы см. в работе [Csúcs 2005].

³ Важно отметить, что эти статьи посвящены описанию не только пермских языков, но и истории развития вокализма в других уральских языках. Но в настоящей работе, посвященной описанию пермского вокализма, мы остановимся только на разборе этого вопроса.

Развитие вокализма от ПУ к ПП по [Zhivlov 2010; 2014; Reshetnikov, Zhivlov 2011]

ПУ	ПП ⁴
*a-a ⁵	*o/ö
*a-i	*o/ö
*i-a	*o/ö
*i-i	*e
*o-a	*o/ö
*o-i	*u

В статье М. А. Живлова в этой ситуации регулярные по нашей концепции пермские рефлексy, видимо, удалены из сравнения, ср. ПУ *kama₂ ‘rind, crust’ > PFi *kamara, PMari *kom, PSam *kamə ‘scale’» [Zhivlov 2014: 128]

- ФП *kansa ‘народ, люди, товарищ, друг’, [UEW: 645] > фин. kansa ‘народ’,
 ПП *kəz >
 удм. kuz (S), kuz (K) ‘пара’,
 коми goz (S P) ‘пара’, кя gúzʹya ‘чета, пара’ [Лыткин 1961: 109].

Количество таких примеров легко умножить. Они показывают, что появление ряда соответствий ПКoми *u — ПУдм. *u/ü, который М. А. Живлов обозначает как ПП. *o, не связано с позициями палатальности.

В работе [Норманская 2010б] была выдвинута гипотеза, что они связаны с прапермским ударением, которое без изменения сохранилось в коми-язьвинском языке. Первой работой, в которой было доказано существование подвижного ударения в прапермском языке, мы считаем монографию М. Гейслера [Geisler 2005]. В своей работе на основании анализа синкопы в пермских языках М. Гейслер доказывает, что на определенном этапе развития в прапермском языке было подвижное ударение, которое без изменения сохранилось в коми-язьвинском диалекте. Однако, М. Гейслер, видимо, находясь под влиянием господствующей традиционной теории о том, что в прафинно-угорском языке ударение было фиксировано на первом слоге, постулирует для прапермского языка два периода: на первом более раннем этапе в протопермском языке ударение было фиксировано, по его мнению, на первом слоге; на втором этапе в прапермском языке ударение стало подвижным и по месту совпадало с ударением, которое представлено в современном коми-язьвинском диалекте. В работе [Норманская 2009а] было показано, что в прапермском языке шло принципиально разное развитие вокализма в «палатализирующей» позиции⁶ и в нейтральной позиции. Интересно, что в «палатализирующих» позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются в [Лыткин 1964]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых в коми и удмуртских диалектах еще предстоит провести⁷. В нейтральной позиции развитие ПУ/ФУ/ФП гласных первого слога зависит от места прапермского ударения и ПУ/ФУ/ФП гласных второго слога. Нами был проанализирован полный материал этимологий по [UEW], в которых нет палатализирующих позиций и представлен рефлекс в коми-язьвинском диалекте (см. анализ полного корпуса примеров в статье [Норманская 2009б]). На этом материале предложенная нами гипотеза о том, что в позиции под ударением рефлексом прапермской гласной является широкий гласный, а без ударения — узкий, подтверждается без исключений. Основываясь на этой закономерности, мы проанализировали материал этимологий из [UEW], которые не имеют рефлекса в коми-язьвинском диалекте (то есть однозначных указаний на прапермское ударения нет), но их рефлексy представлены в других диалектах одного или двух пермских языков. Полный анализ материала представлен в работе [Норманская 2009б], здесь приведем таблицу, иллюстрирующую эту гипотезу.

⁴ Здесь приводится прапермская реконструкция по М. А. Живлову, её отличие от реконструкции В. И. Лыткина можно видеть в [Zhivlov 2014: 123].

⁵ Здесь не рассматривается различие двух типов *a-основ (a₁, a₂), постулируемое М. А. Живловым, в связи с тем, что оно, по его мнению, не является релевантным для истории пермских языков.

⁶ Перед следующими согласными и группами согласных: ПУ/ФУ/ФП *ś, *śk, *ć, *ćk, *ń, *ńc, *ńc, *j, *jk, *t (> ПП *ø), *ŋ (> ПП *ø), *ɟ, *l̥, *l̥j, *l̥w, *l̥m, *k (> ПП *ø), *ks, *p (> ПП *ø), *ps, *š, *rs, *rj.

⁷ Отметим лишь, что в этой позиции для развития прапермского вокализма тоже является решающим прапермское ударение. Правило, которое ниже сформулировано для нейтральной позиции, что под ударением в прапермском языке появляется широкий гласный, а без ударения — узкий, действует без исключений и в «палатализирующих» позициях.

Таблица 2

Развитие вокализма от ПУ к ПП в зависимости от места ударения⁸

ПУ/ФУ/ФП	Ударение на первом слоге	Ударение на втором слоге
*a-a	*a	*u, *i
*o-a	*a, *o	*u, *i
*u-a	*o	*i
*i-a	*i, *o	*i
*ä-ä	*e	*i
*ü-ä	*e	*i
*e-ä	*o, e (?)	*u
*i-ä		
*a-e	*ε	*u, *i
*u-e	*ε	*u, *i
*o-e	*ö	*u, *i
*e-e	*ö, e (?)	*u
*ä-e	*ε	*i
*ü-e	*ε	*i
*i-e	*e	*i

В таблице 3 представлено развитие прапермских фонем в современных коми и удмуртских диалектах⁹.

Таблица 3

Развитие вокализма от ПП к современным коми и удмуртскому языкам

ПП	Коми	Удмуртский
*a	вс. <i>o</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i>	<i>u</i>
*o	вс. <i>o</i> , остальные <i>o</i>	<i>u</i>
*ö	вс. <i>o</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i>	юз. <i>u</i> , остальные <i>u</i>
*e	<i>e</i>	<i>e</i> , <i>o</i>
*ε	виш., воств. <i>ö</i> , остальные <i>ε</i>	общеудмуртский <i>e</i> , остальные <i>ε</i>
*i	дп. <i>ε</i> , кя. <i>i</i> , остальные <i>e</i>	остальные <i>o</i>
*u	<i>u</i>	<i>u</i>
*i	виш., воств. <i>u</i> , кя. <i>ä</i> , остальные <i>i</i>	юз. <i>ä</i> , остальные <i>i</i>

⁸ Следует еще раз повторить, что статья [Норманская 2009б] базировалась на примерах, у которых 1) есть рефлекс в финском языке, что дает возможность однозначной реконструкции праязыкового гласного, 2) в финском рефлексе нет долгого гласного, поскольку в этих словах во всех уральских языках представлена нестандартная рефлексация, 3) рефлекс представлен в обоих пермских языках. Конечно, таким образом материал существенно сужен, но в настоящее время представляется, что расширение реконструкции на полный материал непродуктивно, поскольку появляется довольно много «особых рефлексов», представленных лишь в одном или двух примерах в коми или удмуртских диалектах. Полевые записи по коми диалектам показывают, что это может быть связано с неточностями транскрипции, которая для примеров из коми дана в [UEW]. Таким образом, таблица, приведенная в статье, очевидным образом не дает исчерпывающего списка рефлексов. Но, как видно из анализа пермских рефлексов этимологий [UEW], привлекаемых к сравнению с другими языкам ниже в разделе Выводы, тенденция появления узких гласных в безударной позиции, а широких — в ударной (по коми-язьвинскому) сохраняется. Это очевидно даже из синхронного правила коми-язьвинского ударения, сформулированного в [Лыткин 1961], и описания внешних соответствий для коми-язьвинских гласных в [Лыткин 1964]. Таким образом, сама мысль о том, что в случае коми-язьвинского ударения на корне в пермских языках представлен широкий гласный, а в случае ударения на окончании — узкий, не принадлежит нам, она взята из работ В. И. Лыткина, новым является лишь предположение о том, что место ударения здесь первично. Как будет показано ниже, это подтверждают его рефлекс в других коми диалектах и внешнее сравнение.

⁹ В настоящей работе мы не концентрируемся на фонетической интерпретации полученного списка прапермских фонем, встречающихся в нейтральной позиции. Мы постарались их обозначить максимально приближенно к традиционному способу обозначения, принятому, например, в работе [Лыткин 1964]. В нескольких местах мы отступаем от транскрипции В. И. Лыткина и убираем диакритические пометы, которые представляются излишними, в частности, например, потому что второй член оппозиции по закрытости/открытости в нейтральной позиции не встречается. Представляется, что новую фонетическую интерпретацию прапермским фонемам целесообразно давать после полного завершения составления списка фонем, которые встречаются не только в нейтральной, но и в палатализующей позиции.

Однако полученные результаты не были приняты рядом ученых, в частности М. А. Живловым (см. выше его работы, посвященные попыткам описания пермского вокализма в зависимости от консонантного окружения) и В. В. Понарядовым, который в дискуссии, опубликованной в [Понарядов 2014: 755—758] пишет:

«Ю. В. Норманская до сих пор не предъявила на рассмотрение научной общественности свою версию реконструкции прафинно-пермского или более древнего уровня, которую можно было бы сравнить с версиями других специалистов. Доступна только выполненная ею прафинно-волжская реконструкция [Норманская, 2008]. Если бы Ю. В. Норманской удалось показать, что в пермских языках какие-то особенности развития гласных или просодии находятся в прямой корреляции с реконструированным ею в финно-волжской ветви древним разноместным ударением, аналогичное ударение или какие-то его эквиваленты должны были бы восстанавливаться и для финно-пермского праязыка, и рассмотрение развития пермских гласных в связи с этими древними факторами было бы вполне уместным. Однако такая корреляция до сих пор не обнаружена.... В близком коми-язвинском оньковском говоре коми-пермяцкого языка представлено даже более архаичное состояние подобной акцентуации, потому что сужение гласных в нем не произошло, и место ударения всецело определяется синхронным качеством гласных [Лыткин 1955: 26—27; Баталова 1990: 30—33], т. е., по существу, оньковская качественно-вокальная акцентуация является предковой для коми-язвинской. Видимо, ранее такая система была распространена в коми ареале достаточно широко, потому что разноместное морфонологизированное ударение, обнаруживаемое в большинстве коми-пермяцких диалектов, также может быть возведено к качественно-вокальному [Лыткин 1957: 107—108]. Тем не менее, вторичность в пермских языках ударения коми-язвинского типа совершенно очевидна. Есть основания полагать, что причиной довольно раннего его развития были контакты с древними скифо-сарматскими диалектами... Незнание этого факта привело к тому, что вся картина исторических взаимосвязей вокализма и акцентуации пермских языков в интерпретации Ю. В. Норманской оказалась повернутой с ног на голову. Вместо требуемого языковым материалом выведения места ударения из качества гласных она качество гласных определяет ударением. Но если выдвинутая в работе 2009 г. гипотеза о древности пермского ударения в контексте предполагаемой связи с реконструированной финно-волжской акцентуацией была хотя бы логичной, то теперь, когда Ю. В. Норманская от идеи о такой связи отказалась, эта логичность полностью утрачивается. Ведь отказываясь от реконструкции принимаемого М. Гейслером древнего ударения на первом слоге, которое, по его мнению, предшествовало развитию акцентуации коми-язвинского типа, Ю. В. Норманская аргументировала это решение как раз вероятностью восхождения как пермского, так и финно-волжского ударения к прафинно-пермской системе. А они оказались к единому источнику не сводимы. Таким образом, гипотеза о влиянии на развитие пермского вокализма каких-то прафинно-пермских акцентуационных факторов должна быть отвергнута».

Для того, чтобы ответить на логичные вопросы, поставленные В. В. Понарядовым о месте пракоми ударения и его отражении в современных говорах, а также связи финно-волжского ударения с прапермским, понадобились годы исследований. Они были начаты в 2009 году после публикации монографии [Норманская 2008] с реконструкцией прафинно-волжского ударения. Необходимо было собрать материал всех диалектных групп уральских языков, в которых было при полевой работе или в архивных записях зафиксировано разноместное ударение, и проанализировать его.

В результате анализа материалов 49 уральских диалектов, собранных в полевых условиях¹⁰, более тысячи миссионерских текстов, переведенных на уральские языки и отражающих ранний диалектный материал, и архивных аудиозаписей был выявлен **21 диалект с разноместным парадигматическим ударением**¹¹, при этом только в 3 идиомах (коми-пермяцком, мансийском тавдинском, селькупском тазовском) оно было отмечено в научной литературе ранее.

¹⁰ Словари этих диалектов представлены на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

¹¹ В. А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем. «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1) в корпусе непроемных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000].

- В 6 диалектах (мысовском, кудымкарском, нижеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка, ижемском диалекте коми-зырянского языка, низямском и салымском диалектах хантыйского языка) парадигматическое ударение было выявлено в результате полевых исследований (2009—2016 гг.).
- В 6 диалектах (иртышском и васюганском диалектах хантыйского языка, пельымском и тавдинском диалектах мансийского языка, энецком языке, тазовском диалекте селькупского языка) парадигматическое ударение отмечено только в архивных данных, некоторые из этих диалектов уже исчезли, другие нуждаются в дополнительных полевых исследованиях для создания аудиословарей.
- В 9 диалектах (центральном диалекте эрзянского языка, пермском диалекте марийского языка, ваховском диалекте хантыйского языка, юкондинском и обском диалектах мансийского языка, тундровом и лесном диалектах ненецкого языка, южном и центральном диалектах селькупского языка) ударение отмечено как в полевых материалах, так и в архивных, и системы ударения за последние 100—250 лет **не изменились**.

Нами была проведена ступенчатая реконструкция ударения на материале самодийских [Норманская 2012а,б] и обско-угорских [Норманская 2014] языков. Кроме того, были в полевых условиях собраны словари 5 диалектов коми языка: мысовского, кудымкарского, нижеиньвенского диалектов коми-пермяцкого языка, ижемского диалекта коми-зырянского языка, коми-язьвинского языка.

Теперь по факту анализа этих материалов можно ответить на вопросы В. В. Понарядова.

Во второй части статьи мы приведем полевые свидетельства анализа ударения в диалектах коми языка, которые указывают на то, что существовало прапермское ударение, которое сохранилось не только в коми-язьвинском языке, но и в ряде других диалектов, в которых оно не зависит от качества гласной.

В третьей части статьи, суммируя собранные материалы по 21 диалекту/языку с разноместным ударением, мы покажем, как реконструируется прауральская система ударения, и как из нее выводится система прапермского ударения.

Часть I. Прапермское ударение: внутренняя реконструкция

Начиная с 2009 года нами были обследованы с точки зрения ударения 6 словарей исконной лексики всех групп (северной, срединной, южной, крайне-южной и 2 словаря бесермянского) удмуртских диалектов и 6 словарей диалектов коми языков (4 словаря диалектов коми-пермяцкого языка: мысовского (северный), кудымкарского (южный), и 2 словаря на нижеиньвенском (южный) диалекте коми-пермяцкого языка, 1 словарь на ижемском диалекте коми-зырянского языка, 1 словарь коми-язьвинского языка). В результате анализа этого материала было установлено, что в удмуртском языке разноместное фонологически значимое¹² ударение действительно отсутствует.

В современном коми-язьвинском языке действует правило, описанное В. И. Лыткиным, согласно которому постановка ударения в большинстве случаев определяется звуковым составом слова: если в первом слоге многосложных слов находятся неузкие гласные *a*, *o*, *ó*, *e*, они всегда принимают на себя ударение, а гласный *ə*, который в коми-язьвинском принадлежит к среднему подъему, но в других диалектах ему обычно соответствует узкий *j* всегда вызывает перенос ударения на последующий слог, если такой в слове присутствует. Как ударными, так и безударными в многосложных словах могут быть только коми-язьвинские узкие гласные *u*, *i*, *i* [Лыткин 1961: 33—34]. Они притягивают ударение, если в других коми диалектах им соответствуют неузкие *o*, *e*, *e*, и отталкивают его, если в других коми диалектах им соответствуют узкие *u*, *i*. Отсюда легко реконструируется прежнее состояние, в котором неузкие гласные всегда притягивали ударение, а узкие отталкивали. Затем некоторые ранее неузкие гласные сузились, что и привело к сложению современной язьвинской качественно-вокальной акцентуации [Лыткин 1957: 106]. Как указал В. В. Понарядов в [Понарядов 2014: 757], «в близком коми-язьвинскому оньковском говоре коми-пермяцкого языка представлено даже более архаичное состояние подобной акцентуации, потому что сужение гласных в нем не произошло, и место ударения всецело определяется синхронным качеством гласных [Лыткин 1955: 26—27; Баталова 1990: 30—33]. Проведенный анализ места ударения в ижемском диалекте коми-зырянского языка в непроемных словах позволяет выявить аналогичное правило. В производных словах место ударения зависит от типа суффикса, часть суффиксов перетягивают ударение, другие — всегда безударны. Итак, можно было бы присоединиться к мнению В. В. Понарядова о том, что «видимо, ранее такая система (когда места ударения зависят от ряда гласного) была распространена в коми ареале достаточно широко, потому что разноместное морфонологизированное ударение, обнаруживаемое в большинстве коми-пермяцких диалектов, также может быть возве-

¹² Под разноместным фонологически значимым ударением подразумевается, что акцент является смыслозначительным для словоформ, принадлежащих к одному и тому же грамматическому классу.

дено к качественно-вокальному [Лыткин 1957: 107—108]», поэтому, по его мнению, «вторичность в пермских языках ударения коми-язьвинского типа совершенно очевидна». Здесь мы можем полностью согласиться с В. В. Понарядовым о том, что тип коми-язьвинской системы (когда в большинстве случаев ударение зависит от качества гласной, но некоторые гласные могут быть ударными или безударными) — вторичен. Это подтверждается и реконструкцией пракоми системы вокализма по [Zhivlov 2011; 2014; Sammallahti 1988; Лыткин 1964], которая показывает, что ударные узкие гласные в коми-язьвинском языке восходят к широким пракоми гласным. Это не опровергает тезиса, высказанного в [Норманская 2010б], что прапермское ударение было разноместным, и его место в словоформе совпадало с современным коми-язьвинским. Но в такой ситуации нет оснований для выбора между двумя гипотезами: а) именно ударение было первичным, а изменения вокализма от прауральского языка к прапермскому происходили по-разному в ударной и безударной позициях (гипотеза, предложенная в первой части настоящей статьи), б) ударение было вторичным и зависело от качества гласной (гипотеза, которой придерживаются в своих работах В. В. Понарядов и М. А. Живлов).

Однако представляется, что полевые материалы, собранные Р. И. Идрисовым в 2015 году по южному **кудымкарскому**¹³ диалекту коми-пермяцкого языка, и словари с большими глагольными парадигмами, собранные в 2016 году Л. Г. Пономаревой по южному **нижнеиньвенскому**¹⁴ диалекту коми-пермяцкого языка, позволяют уже на этапе внутренней реконструкции склониться к гипотезе о первичности ударения и вторичности процессов изменения гласных в коми языке.

1.1. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка

В 2016—2018 годах Л. Г. Пономарева в населенных пунктах Юсьвинского района Коми-пермяцкого округа Пермского края, расположенных на расстоянии 30 км. друг от друга: с. Доег, Тимино, д. Пиканово, Тукачево, — собрала полные глагольные парадигмы исконной лексики от носителей **нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка**, в идиолектах которых сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Сама Л. Г. Пономарева родилась в с. Доег и является носителем нижнеиньвенского диалекта, но в её речи, так же как и у большинства жителей этих сел, ударение падает на первый слог глагольной словоформы, вероятно, под влиянием литературного языка. Но у ряда носителей сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Такая постановка ударения была обнаружена Л. Г. Пономаревой в идиолекте Мальцева Алексея Алексеевича, 1959 г. р. (родился в с. Доег). Близкая, но несколько отличная система ударения в глагольных парадигмах была выявлена у его жены Мальцевой Маргариты Алексеевны, которая родилась в 1961 г. в д. Пиканово (5 км. от с. Доег).

Ранее в монографии, посвященной описанию этого диалекта [Баталова 1975], указывалось, что в нём, как правило, ударение падает на гласные нижнего и среднего подъёма *a*, *o*, *э* корня слова: *нáчкõтас* ‘зарезет’, *нáсьтõтõны* ‘одевают’, *нõбõтас* ‘отнесёт’. Из приведённых примеров видно, что ударение обычно падает на первый слог при наличии там корневых *a*, *o*, *э*. Но ударение может падать на эти же гласные и в последующих слогах: *босьтáн* ‘возьмёшь’, *сёйõны* ‘кушают’, *пантáсь* ‘и не встретишься’, *нармáн* ‘грабли’. Гласные *и*, *у* (коми-язьвинское *ý*) могут быть ударными в том случае, если они исторически восходят к закрытым *э* и *õ*, например, *чигны* «сломать», *ситиõм* ‘такой’, *ýгõ*, *ýнõ*, *ýзõ баитõ* ‘мы, вы, они не говорили’. Но Р. М. Баталова отмечает, что «в этих словах ударение не всегда удерживается на *и*, *э*, *a* по аналогии с другими словами, где корневые *и*, *ы*, *у* не удерживают на себе ударение», в этих случаях оно падает на последующий слог, т. е. на словообразовательные или словоизменительные суффиксы, например, *чигýс* ‘сломался’, *ситиõмõ* ‘такого’, *ýммéз* ‘иглы’. В подавляющем большинстве глаголов с узкой гласной в первом слоге ударение падает на второй слог, например, «*миссýс* ‘он умылся’, *быдмý* ‘я вырос’, *муннý* ‘идти’, *мунýмõ* ‘мы ушли’, *гижнý* ‘писать’». По мнению Р. М. Баталовой, помимо вышеупомянутых случаев, когда гласные *и*, *у* (коми-язьвинское *ý*) исторически восходят к закрытым *э* и *õ*, эта закономерность нарушается ещё в результате влияния аналогичных слов с корневыми гласными неверхнего подъёма (нижнего и среднего), например, «*вýлыньõсь* вместо *вылыньõсь* ‘высокие’, *кýлис* вместо *кулис* ‘он умер’».

Из этого описания становится ясно, что в нижнеиньвенском говоре место ударения не зависит напрямую от синхронного качества первого слога.

Опрос носителей и анализ записанных данных в фонетической программе Праат позволили выявить в каждом из говоров **четыре акцентные парадигмы** глагола¹⁵.

¹³ Данные доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>

¹⁴ Данные доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/770/32463/perspective/770/32464/view>

¹⁵ Надо отметить, что этим носителям было очень тяжело спрягать глаголы, более охотно они переводили рассказы, поэтому в настоящее время собрано лишь несколько десятков глаголов с полными акцентными парадигмами, от других слов спрашивалась только диагностическая форма 3 л. ед. ч. настоящего времени.

В **I** парадигме в д. **Пиканово** и с. **Доег** ударение во всех формах падает на гласный первого слога:

Таблица 4

Акцентный контур I а.п. в д. Пиканово и с. Доег

	Мальцева М. А. (д. Пиканово)	Мальцев А. А. (с. Доег)
Инфинитив	<i>bóeni</i> 'купить'	<i>bóeni</i> 'купить'
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>bóeta</i>	1 л. ед.ч. —
	2 л. ед.ч. <i>bóetan</i>	2 л. ед.ч. <i>bóetan</i>
	3 л. ед.ч. <i>bóetə</i>	3 л. ед.ч. <i>bóetə</i>
	1 л. мн.ч. <i>bóetamə</i>	1 л. мн.ч. <i>bóetamə</i>
	2 л. мн.ч. <i>bóetat</i>	2 л. мн.ч. <i>bóetat</i>
	3 л. мн.ч. <i>bóetani</i>	3 л. мн.ч. <i>bóetən</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. <i>bóeti</i>	1 л. ед.ч. <i>bóeti</i>
	2 л. ед.ч. <i>bóetin</i>	2 л. ед.ч. <i>bóetin</i>
	3 л. ед.ч. <i>bóetis</i>	3 л. ед.ч. <i>bóetis</i>
	1 л. мн.ч. <i>bóetimə</i>	1 л. мн.ч. <i>bóetimə</i>
	2 л. мн.ч. <i>bóetitə</i>	2 л. мн.ч. <i>bóetitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>bóetisə</i>	3 л. мн.ч. <i>bóetisə</i>

Во **II** парадигме в д. **Пиканово** и с. **Доег** ударение в настоящем времени падает на первый слог, а в прошедшем на второй:

Таблица 5

Акцентный контур II а.п. в д. Пиканово и с. Доег

	Мальцева М. А. (д. Пиканово)	Мальцев А. А. (с. Доег)
Инфинитив	—	<i>ád̃zd̃zin</i> 'видеть'
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>ád̃zd̃za</i> 'вижу'	1 л. ед.ч. <i>ád̃zd̃za</i>
	2 л. ед.ч. <i>ád̃zd̃zan</i>	2 л. ед.ч. <i>ád̃zd̃zan</i>
	3 л. ед.ч. <i>ád̃zd̃zə</i>	3 л. ед.ч. <i>ád̃zd̃zə</i>
	1 л. мн.ч. <i>ád̃zd̃zamə</i>	1 л. мн.ч. <i>ád̃zd̃zamə</i>
	2 л. мн.ч. <i>ád̃zd̃zat</i>	2 л. мн.ч. <i>ád̃zd̃zatə</i>
	3 л. мн.ч. <i>ád̃zd̃zəni</i>	3 л. мн.ч. <i>ád̃zd̃zən</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. <i>ad̃zd̃zivi</i>	1 л. ед.ч. <i>ad̃zd̃zi</i>
	2 л. ед.ч. —	2 л. ед.ч. <i>ad̃zd̃zin</i>
	3 л. ед.ч. <i>ad̃zd̃ziis</i>	3 л. ед.ч. <i>ad̃zd̃ziis</i>
	1 л. мн.ч. <i>ad̃zd̃zivimə</i>	1 л. мн.ч. <i>ad̃zd̃zīmə</i>
	2 л. мн.ч. —	2 л. мн.ч. <i>ad̃zd̃ziitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>ad̃zd̃ziisə</i>	3 л. мн.ч. <i>ad̃zd̃ziisə</i>

В **III** парадигме в д. **Пиканово** ударение падает на второй слог в 1, 2 л. ед.ч. числе настоящего и прошедшего времени, а в 3 л. ед.ч. и во множественном числе — на первый слог. В этих же словах в с. **Доег** ударение всегда падает на первый слог, то есть они относятся к **I** а.п.

Таблица 6

Акцентный контур III а.п. в д. Пиканово

	Мальцева М. А. (д. Пиканово)
Инфинитив	<i>péni</i> 'выходить'
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>petá</i>
	2 л. ед.ч. <i>petán</i>
	3 л. ед.ч. <i>pétə</i>
	1 л. мн.ч. <i>pétamə</i>
	2 л. мн.ч. <i>pétatə</i>
	3 л. мн.ч. —

Прошедшее время	1 л. ед.ч. <i>petí</i>
	2 л. ед.ч. <i>petín</i>
	3 л. ед.ч. <i>petís</i>
	1 л. мн.ч. <i>pétimə</i>
	2 л. мн.ч. —
	3 л. мн.ч. <i>pétisə</i>

В **III** акцентной парадигме в с. Доег ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед. ч., 1, 3 л. мн. ч. настоящего времени, 3 л. ед. ч. прошедшего времени, в говоре д. Пиканово все глаголы этого класса имеют ударение на втором слоге и относятся к **IV** а.п.

Таблица 7

Акцентный контур IIIа а.п. в с. Доег

Мальцев А. А. (с. Доег)	
Инфинитив	<i>viéni</i> ‘болеть’
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>viéa</i> ‘болею’
	2 л. ед.ч. <i>viéán</i>
	3 л. ед.ч. <i>viéə</i>
	1 л. мн.ч. <i>viéámə</i>
	2 л. мн.ч. <i>viéat</i>
	3 л. мн.ч. <i>viéəni</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. —
	2 л. ед.ч. <i>viéin</i>
	3 л. ед.ч. <i>viéis</i>
	1 л. мн.ч. <i>viéimə</i>
	2 л. мн.ч. <i>viéitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>viéisə</i>

В IV парадигме ударение всегда падает на второй слог:

Таблица 8

Акцентный контур VI а.п. в д. Пиканово и с. Доег

Инфинитив	Мальцева М. А. (д. Пиканово)	Мальцев А. А. (с. Доег)
	<i>piúni</i> ‘варить’	<i>piúni</i> ¹⁶ ‘варить’
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>piúá</i>	1 л. ед.ч. <i>piúá</i>
	2 л. ед.ч. <i>piúán</i>	2 л. ед.ч. <i>piúán</i>
	3 л. ед.ч. <i>piúə</i>	3 л. ед.ч. <i>piúə</i>
	1 л. мн.ч. —	1 л. мн.ч. <i>piúámə</i>
	2 л. мн.ч. <i>piúátə</i>	2 л. мн.ч. <i>piúátə</i>
	3 л. мн.ч. —	3 л. мн.ч. <i>piúəni</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. —	1 л. ед.ч. <i>piúí</i>
	2 л. ед.ч. <i>piújín</i>	2 л. ед.ч. <i>piúín</i>
	3 л. ед.ч. —	3 л. ед.ч. <i>piúís</i>
	1 л. мн.ч. <i>piúimə</i>	1 л. мн.ч. <i>piúimə</i>
	2 л. мн.ч. <i>piúitə</i>	2 л. мн.ч. <i>piúitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>piúisə</i>	3 л. мн.ч. <i>piúisə</i>

В идиолекте более молодого носителя из д. Пиканово Бычкова Геннадия Николаевича 1975 г. р. (см. словарь <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/2098/14/perspective/2098/15/edit>) зафиксированы уже только три акцентные парадигмы: II а.п. совпала с IIIа а.п., в настоящее время в обеих представлено раз-

¹⁶ Это единственный глагол IV а.п., в котором ударение в инфинитиве падает на первый слог, в остальных глаголах этой акцентной парадигмы в небольшом словаре, записанном Л. Г. Пономаревой, оно падает на второй слог, ср. дог. нижнеин. *kurtní* (IV а.п.) ‘грести (сено)’, *kusní* (IV а.п.) ‘гаснуть’, *fuvní* (IV а.п.) ‘сказать’.

номестное ударение в глаголах с широким гласным первого слога как в настоящем, так и в прошедшем времени, аналогичное Ша а.п. у Мальцевой М. А.

По данным монографии [Баталова 1975: 93—94], в говорах населенных пунктов Тимино и Тукачево, которые располагаются от с. Доег и д. Пиканово на расстоянии соответственно 13 км и 30 км на северо-восток, наблюдается особая система ударения, отличная от «доеговской».

Действительно, и по современным полевым записям у Семушевой Галины Павловны 1950 г. р. из с. Тимино (см. словарь <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/2098/1978/perspective/2098/1979/view>) тоже представлены только три акцентные парадигмы: Шб а.п. с разноместным ударением у глаголов с узким гласным в первом слоге в её говоре совпала с I а.п., и ударение у части слов с узкими гласными в корне оказалось фиксировано на первом слоге, что отмечает в качестве диагностической особенности этого говора и Р. М. Баталова, ср. [Баталова 1975: 94], то есть, система ударения идиолекта Семушевой Г. П. была представлена уже в середине XX в.

У молодой носительницы Тукачевой Марии Александровны 1984 г. р. из д. Тукачево, которая по состоянию здоровья не училась в школе, частично сохраняется различие четырех акцентных парадигм. В словах с широкими гласными ударение полностью совпадает с говором Бычкова Г. Н. из д. Пиканово, то есть, представлены I а.п. (ударение фиксировано на 1 слоге) и Ша а.п. (разноместное ударение в настоящем и прошедшем времени). Но интересно, что в словах с узкими гласными у неё частично сохраняется различие парадигм Шб (разноместное ударение), например, у глагола *тун-* ‘идти’, и IV а.п. (ударение фиксировано на непервом слоге), например, у глагола *тис-* ‘мыть’. В большинстве случаев, однако, эти глаголы получают фиксированное ударение на первом слоге (I а.п.) под влиянием литературного языка, в то время как у Бычкова Г. Н. в «доеговском» они получают IV а.п. К сожалению, в монографии [Баталова 1975] при описании ударения в этом говоре приводится лишь несколько слов, и не вполне понятно, имел ли место переход глаголов с узким гласным первого слога в I а.п. в середине XX в.

Таким образом, сравнивая данные по ударению, полученные от носителей разных говоров нижеиньвенского диалекта, можно сделать вывод, что четыре акцентные парадигмы являются достаточно архаичными и представлены в разных ареалах этого диалекта:

Таблица 9

Акцентные парадигмы нижеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка

Праниже-иньвенский язык		доеговский говор			тиминский говор	тукачевский говор
		с. Доег	д. Пиканово (Мальцева)	д. Пиканово (Бычков)	с. Тимино	д. Тукачево
гласный 1 слога — широкий	I а.п. ударение фиксировано на корне	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
гласный 1 слога — широкий	II ¹⁷ а.п. разноместное ударение	II а.п.	Ша а.п. и II а.п.	Ша а.п.	III а.п.	Ша а.п.
гласный 1 слога — узкий	III ¹⁸ а.п. разноместное ударение	Шб а.п.	IV а.п.	IV а.п.	I а.п.	III а.п. (в виде реликтов)
гласный 1 слога — узкий	IV а.п. ударение фиксировано не на первом слоге	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п. (в виде реликтов)

Таким образом, в говорах нижеиньвенского диалекта зафиксировано разноместное парадигматическое ударение, не связанное напрямую с качеством гласного первого слога, и реконструируются четыре а.п., которые, как будет показано в Выводах, являются архаическим наследием прауральского языка-основы.

¹⁷ Акцентная кривая, видимо, совпадала с Ша а.п. у М. А. Мальцевой, см. таблица 7, поскольку такая а.п. представлена у носителя из д. Пиканово и д. Тукачево, которые отдалены на 30 км., а появление акцентной кривой по типу II а.п. у А. А. Мальцева, очевидно, является инновацией с. Доег. У М. А. Мальцевой, которая уже несколько десятилетий живет с мужем в с. Доег представлены обе акцентные кривые, спорадически заменяющиеся друг на друга.

¹⁸ Акцентная кривая, видимо, совпадала с Шб у А. А. Мальцева, см. таблицу 6, поскольку именно она представлена у носительниц из тиминского и тукачевского говоров.

1.2. Кудымкарский диалект коми-пермяцкого языка

Еще одно подтверждение гипотезы о первичности разноместного ударения в пермских языках, значимое как для внутренней реконструкции, так и для внешней реконструкции, мы нашли в аудиословах по южному – **кудымкарскому диалекту**¹⁹ (д. Большая и Малая Серва) коми-пермяцкого языка. В [Баталова 1975] отмечается, что в федоровском говоре кудымкарского диалекта в непроемных словах отмечены следы разноместного ударения, отличающегося от ударения литературного коми-пермяцкого языка и не зависящего от состава гласных в словоформе, ср. *pónđis vudný* ‘зачесалось’, *ménó и gижó сія* ‘он и меня записывает’. К сожалению, у нас из с. Большая и Малая Серва нет записей глагольных парадигм, их сбор планируется в будущих экспедициях. Но анализ даже начальных форм показал, что, как указывала и Р. М. Баталова, в непроемных словах²⁰ место ударения не всегда ставится в зависимости от качества гласного первого слога. Было выявлено, что при первом узком гласном ударение может падать как на первый, так и на второй слог: кудым. *ívín-* (Д1 0.151, И1 63.075; Д1 0.078, И1 63.41) ‘далеко’ (ПП. **ül-*), кудым. *kún’ni* (Д1 0.105, И1 52.97; Д2 0.053, И2 51.178) ‘закрывать глаза’ (< ПП. **kuiñ-*) vs. кудым. *kirím* (Д1 0.029, И1 49.069; Д2 0.134, И2 56.386) ‘горсть’ (< ПП. **kürym*), *jurei* (Д1 0.056, И1 36.89; Д2 0.248, И2 43.185) (ПП. **jur-’sí*) ‘волосы’, вне зависимости и от прапермского качества этого гласного. Основной характеристикой ударного гласного является большая длительность, которая иногда в полтора, два раза превышает длительность безударного гласного в этом слове. В ряде случаев ударный гласный маркируется и большей интенсивностью, но в открытом ауслутом втором слоге в большинстве случаев более интенсивен гласный первого слога вне зависимости от места ударения, поэтому для носителя русского языка в таких случаях, когда длительность и интенсивность маркируют разные слоги, не всегда ясно на слух, как поставить ударение. В связи с этим для непроемных лексем кудымкарского диалекта была произведена разметка спектрограмм в фонетической программе Praat (результаты этой обработки представлены в онлайн словаре на сайте <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>, можно выбрать опцию Tools > Phonology и скачать xls файлы с результатами обсчета данных разметки спектрограмм, представленных на сайте; здесь и далее в статье²¹ для гласных этого говора мы приводим сведения по длительности и интенсивности, верифицирующие место ударения).

Предварительное²² соотнесение данных по ударению в глаголе с доеговским нижнеиньвенским говором показывает, что есть два акцентных типа с узким гласным первого слога: 1) когда в доеговском глагол имеет IIIб а.п. (ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед. ч., 1, 3 л. мн. ч. настоящего времени, 3 л. ед. ч. прошедшего времени), то в записанном Р. И. Идрисовым кудымкарском словаре глагол в инфинитиве имеет ударение на первом слоге: кудым. *viēni* (Д1 0.079, И1 51.298; Д2 0.039, И2 42.760), доег. нижнеин. *viēni* (IIIб а.п.) ‘болеть’; кудым. *viđzni* (Д1 0.092, И1 47.858, Д2 0.087, И2 52.196), доег. нижнеин. *viđzni* (IIIб а.п.) ‘держат’; кудым. *kiēēni* ‘литься’ (Д1 0,080, И1 41,30; Д2 0,69, И2 43,06; Д3 0,066, И3 38,37), доег. нижнеин. *kiēni* (IIIб а.п.) ‘вылить’.

2) Когда в доеговском говоре у глагола IV а.п. (ударение по всех формах настоящего и прошедшего времени падает на второй слог), то в кудымкарском диалекте ударение в инфинитиве глагола на втором слоге: кудым. *kusni* (Д1 0,162, И1 74,17; Д2 0,224, И2 68.80), доег. нижнеин. *kusni* (IV а.п.) ‘гаснуть’, кудым. *funi* (Д1 0,064, И1 52,99; Д2 0,111, И2 48,17) ‘говорить’, доег. нижнеин. *funni* (IV а.п.) ‘сказать’.

При анализе данных по ударению в именах с двумя узкими гласными в кудымкарском говоре и литературном коми-пермяцком языке²³ по словарю [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985] оказалось, что место ударения в подавляющем большинстве таких слов совпадает, ср., например,

¹⁹ Данные доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>.

²⁰ В производной лексике место ударения, видимо, зависит от типа суффикса, и в большинстве слов совпадает с литературным языком. Полное описание системы ударения в этих диалектах еще предстоит подготовить.

²¹ Эксплицитное указание на длительность и интенсивность гласного приводится в статье в тех случаях, когда постановка ударения не очевидна на слух для носителя русского языка. В остальных примерах эту информацию можно получить на сайте в онлайн словаре <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>.

²² В настоящее время примеров глаголов с III а.п. в доеговском нижнеиньвенском говоре найдено менее десяти, поскольку удалось собрать акцентную парадигму лишь от нескольких десятков глаголов.

²³ В непроемных глаголах с двумя узкими гласными в литературном коми-пермяцком языке ударение всегда падает на первый слог в отличие от кудымкарского и нижнеиньвенского диалектов, в которых ударение, как было показано выше, может быть и на первом и на втором слогах.

— ударение на первом слоге:

- кудым. *gírīe* — лит. к.-п. *gýrīcīś* ‘крупный’²⁴;
 кудым. *jīki* — лит. к.-п. *ýūki* ‘мякина’;
 кудым. *úlic* — лит. к.-п. *úlicīś* ‘нижний’;
 кудым. *írkit* — лит. к.-п. *ýrkym* ‘прохладный’;
 кудым. *rīfkit* — лит. к.-п. *rýšikym* ‘рыхлый’;
 кудым. *júgīt* — лит. к.-п. *ýgym* ‘светлый’;
 кудым. *sírteik* — лит. к.-п. *sýrčik* ‘трясогузка’;
 кудым. *mívkid* — лит. к.-п. *mývkýd* ‘ум’;

Есть одно исключение: кудым. *n'úkil* — лит. к.-п. *nyokýl* ‘мелкая рыба’.

Ударение на втором слоге:

- кудым. *izín* ‘жернов’ — лит. к.-п. *izýn* ‘жерновой камень’;
 кудым. *turí* — лит. к.-п. *turý* ‘журавль’;
 кудым. *t'urík* — лит. к.-п. *týrýk* ‘катушка’;
 кудым. *kutėik* — лит. к.-п. *kučík* ‘кожа’;
 кудым. *pil'im* — лит. к.-п. *pilím* ‘космы’;
 кудым. *teikie* — лит. к.-п. *čikíś* ‘коса’;
 кудым. *sun'is* — лит. к.-п. *sunís* ‘нитка’;
 кудым. *tipív* — лит. к.-п. *tyńýv* ‘окунь’;
 кудым. *eizím* — лит. к.-п. *sizím* ‘семь’;
 кудым. *zirím* — лит. к.-п. *zyrým* ‘сопли’;
 кудым. *píteik* — лит. к.-п. *pičík* ‘трясогузка’;
 кудым. *turún* — лит. к.-п. *turún* ‘трава’;
 кудым. *vurún* — лит. к.-п. *vuřún* ‘шерсть овечья’;

Исключение: кудым. *gudír* — лит. к.-п. *gúdyr* ‘муть’.

Насколько нам известно, ранее в литературе не было дано объяснения, в каких случаях в непроизводных словах с двумя узкими гласными в коми-пермяцких диалектах ударение ставится на первый слог, а в каких на второй. Представляется, что факт наличия разноместного ударения в словах с узкими гласными в различных коми-пермяцких диалектах и литературном языке указывает на первичность ударения по отношению к происхождению систем современных гласных в диалектах коми языков, поскольку становится ясно, что место ударения не во всех случаях связано с качеством гласных.

Как было показано выше, ср. таблицу 1, мы предполагаем, что при колонном ударении на корне в прапермском языке все прауральские гласные переходили в широкие прапермские гласные, а в других случаях рефлексом прауральских гласных были узкие прапермские гласные. Ранее в [Норманская 2010а, б] была высказана гипотеза, что в прапермском языке были две акцентные парадигмы, но новая информация, полученная в полевых условиях по разноместному ударению в коми-пермяцких диалектах, которая указывает на наличие двух разных акцентных парадигм как в глаголах, так и в именах с узкими гласными, заставляет предположить наличие как минимум трёх акцентных парадигм в коми-пермяцком языке.

Во второй части настоящей статьи мы предлагаем попытку верификации этой гипотезы с точки зрения внешних соответствий: полексемного соотнесения данных по коми-пермяцким акцентным парадигмам с информацией об ударении в финно-волжских и самодийских языках.

Часть II. Прапермское ударение: внешняя реконструкция

II.1. Соответствия прапермского ударения в финно-волжских языках:

В монографии [Норманская 2008] было показано, что проекция современного мокшанского места ударения на прафинно-волжский уровень позволяет решить ряд вопросов сравнительно-исторической фонетики и грамматики финно-волжских языков, которые на протяжении прошлого столетия были предметом оживленных дискуссий. Во-первых, мы смогли описать с минимумом исключений становление системы вокализма в современных мордовских языках в рефлексах ПУ/ФУ/ФП/ФВ **a*, **o*, **u*, **ä*-основ в зависимости от места прафинно-волжского ударения и типа основы. Ниже в таблицах 10 и 11 представлена схема рефлексов прауральских гласных в мордовских языках в зависимости от прафинно-волжского места ударения, сохранившегося без изменения в пшеновском диалекте мокшанского языка в *a*-основах (подробнее см. главу I).

²⁴ Примеры из литературного коми-пермяцкого языка приводятся по [Баталова, Кривошекова-Гантман, 1985].

Таблица 10

Таблица развития задних гласных первого слога от прауральского языка к прамордовскому

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1слог)	ПМ *V (2 слог)	*a	*a ₁	*á	*a ₂
*a	*a	*a	*a	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E) ²⁵	u
*o	*o	*o	*o	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E)	u
*u	*o ²⁶	*o	*o	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E)	u
*i	*o/*e(_Ć, Ć_)	*o/*e(_Ć, Ć_)	*o/*e(_Ć, Ć_)	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E)	u

Таблица 11

Таблица развития передних гласных первого слога от прауральского языка к прамордовскому

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1слог)	ПМ *V (2 слог)	*ä	*a ₃ ²⁷	*á	*a ₄
*ä	*ä	ä (M), e (E)	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M) ²⁸	i/-(E) i/ə/-(M)
*e	*i	*i	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M)	i/-(E) i/ə/-(M)
*i	*o/*e(_Ć)	*o/*e(_Ć)	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M)	i/-(E) i/ə/-(M)
*ü	*e/*ä	*e/*ä	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M)	i/-(E) i/ə/-(M)

Во-вторых, удалось объяснить причины возникновения I (*a-*) vs. II (*e-*) спряжений марийских глаголов в зависимости от места прафинно-волжского ударения (II глава, I раздел); в-третьих, объяснить причины возникновения двух подтипов III склонения существительных с основами, заканчивающимися на *-á* vs. *-é* в зависимости от места прафинно-волжского ударения (II глава, II раздел); в-четвертых, показать, что редуцированные в марийском языке следует реконструировать на прамарийский уровень (на основании внутреннего сравнения современных диалектов марийского языка и анализа булгарских заимствований в прамарийский язык); описать причины их возникновения в зависимости от места прафинно-волжского ударения (III глава).

²⁵ По реконструкции прамордовского языка, предложенной в [Иванова 2006], так выглядят рефлексы ПМ *a в первом слоге в ФУ *a-основах. Правило реализации ПМ *a по диалектам не вполне ясно. По мнению Г. С. Ивановой, первоначальными рефлексами ПМ *a были морд. *u* и *i*, которые в дальнейшем в отдельных диалектах переходят в редуцированный гласный *ə* или выпадают. Процесс такого перехода продолжается и в настоящее время. Г. С. Иванова приводит ряд примеров, где в одном и том же диалекте в одних грамматических формах слово имеет гласный полного образования в первом слоге, а в других редуцированный. Вот несколько примеров, цитируемых по работе [Иванова 2006] из II типа мокшанских говоров, распространенных на территории Инсарского, Кадошкинского, Ковылкинского (частично), Ельниковского, Zubovo-Полянского (частично), Атюрьевского (частично) районов: *sur* 'палец' vs. *sərne* 'пальчик', *šízə-* 'устать' vs. *šəzan* 'я устану', *šəžəndən* 'я устаю'. По мнению Г. С. Ивановой, есть факторы, влияющие на редукцию гласных — это последующие сочетания согласных и тип говора. Например, перед сочетанием согласных с *-r-* ПМ *a практически в любом говоре в любом говоре имеет рефлекс *ə*. Во II типе говоров ПМ *a значительно чаще имеет редуцированный рефлекс, чем в I и III типах. Но системно описать позиции реализации ПМ *a в настоящее время не удастся.

²⁶ В результате анализа мы пришли к выводу, что рефлексы ПУ *o, *u в *a-основах в мордовском совпадают, см. выше концепцию Э. Итконена, по которой они различаются.

²⁷ Помимо влияния на развитие вокализма первого слога, *a₃* и *a₄* различаются следующим формальным образом: в ауслате в мокшанском языке *a₃* имеет рефлекс *ä*, *a₄* другие рефлексы.

²⁸ По реконструкции прамордовского языка, предложенной в [Иванова 2006], так выглядят рефлексы ПМ *a в первом слоге в ФУ *ä-основах.

Сравнение финно-волжских и пермских акцентных парадигм приводит к следующему результату:

Таблица 12

Соответствия ФВ и ПП акцентных парадигм

	ФВ	ПП
I ФП(ФУ) тип	ударение на 1-ом слоге	I а.п.
II ФП(ФУ) тип	ударение на 1-ом слоге	II а.п.
III ФП(ФУ) тип	ударение на 1-ом слоге	III а.п.
III ФП(ФУ) тип	ударение на 2-ом слоге	IV а.п.

II.2. Соответствие прапермского ударения в самодийских языках:

В результате анализа архивного и полевого материала, представленного в современных самодийских языках и диалектах, были получены следующие выводы (подробнее см. [Норманская 2012а, б]).

I) Следует реконструировать два типа акцентных маркировок для ПС корней:

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой имеют рефлекс

- 1) долгие протоненецкие (тундровые) гласные,
- 2) плюсовая акцентная маркировка в селькупских диалектах (т. е. когда ударение во всех производных фиксировано на корне),

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой имеют рефлекс

- 1) краткие протоненецкие (тундровые) гласные,
- 2) корни с минусовой маркировкой в селькупском (т. е. когда ударение в ряде производных падает не на первый слог).

II) Оказалось, что принципиально различается рефлексия ПУ гласных в ПС языке в корнях с плюсовой и минусовой акцентной маркировками

Таблица 13

Рефлексия ПУ гласных первого слога в зависимости от акцентной маркировки ПС корней:

ПУ гласный первого слога	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>плюсовой</u> акцентной маркировкой (I а.п.)	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>минусовой</u> акцентной маркировкой (II а.п.)
*a	ПС *ā, *v	ПС *ə
*o	ПС *o, *ā	ПС *ə
*u	ПС *u, *i ²⁹	ПС *ə
*i	ПС *i, *e	ПС *i
*ā	? ПС *ā, *e	
*ū	ПС *i	ПС *i, *ə
*e	ПС *e, *i	ПС *i
*i	ПС *ā	ПС *i, *ə

²⁹ На основании сопоставления данных по вокализму в селькупских диалектах с камасинскими материалами мы предлагаем реконструировать три дополнительные фонемы в ПС языке (полный материал, верифицирующий эту гипотезу, представлен в статье [Normanskaja in print]). ПС *ā в реконструкциях [Janhunen 1977] соответствуют три разных гласных в праселькупском языке, которые имеют особые соответствия в камасинском и прауральском языках:

1) ПС *ā (*ā [Janhunen 1977]) > ненец. a, энец. a, нган. o; ПСельк. *o/*ō (Сельк. o/ō [Alatalo 2004]) > таз., ср.-обск. o/ō, нар. o, кет. o; кам. a [ПУ *a (> саам. N oa)].

2) ПС *v (*ā [Janhunen 1977]) > ненец. a, энец. a, нган. o; ПСельк. *u/*ū (Сельк. u/ū [Alatalo 2004]) > таз. e/ē, нар. v, ср.-обск., кет. Ve; кам. u, o [ПУ *a (> саам. N uo)].

3) ПС *l (*ā [Janhunen 1977]) > ненец. a, энец. a, нган. o; ПСельк. *u/*ū (Сельк. u/ū [Alatalo 2004]) > таз., ср.-обск. u/ū, нар., кет. u, в позиции анлаута таз. w, нар. va; кам. u, o, ш [ПУ *o, *u]

Полученный инвентарь будет выглядеть следующим образом:

*i *ū *j *u
*e *ö *ə *ə̃ *ẽ *o
*ā *a *v *ā *l

Более того, на основании двух рядов соответствий для ПУ *a: 1) саам. N oa — Псельк. *o/*ō, кам. a; 2) саам. N uo — Псельк. *u/*ū, кам. u, o можно предположить существование двух *a и в прауральском языке, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Соотнесение данных о ФВ, ПП, ПС акцентных парадигмах на материале всех этимологий [UEW] позволило выявить следующие схемы³⁰:

Таблица 14

Соответствия ФВ, ПП и ПС акцентных парадигм

ПУ	ФВ	ПП	ПС
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.

II.3. Соответствия прапермского ударения в хантыйских диалектах³¹

В 2011 году во время работы с архивом М. А. Кастрена (в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки) было обнаружено, что в его записях зафиксировано разноместное ударение в южно-хантыйских диалектах на Иртыше. Это чрезвычайно ценные данные, поскольку в настоящее время южно-хантыйских диалектов уже нет. В списке М. А. Кастрена представлено около двухсот слов, в подавляющем большинстве непроизводных существительных и глаголов в формах 1SgPraes или 1SgPraet и инфинитива. В инфинитивах ударение падает всегда на первый слог, а в косвенных падежах имен и в формах 1SgPraes или 1SgPraet глаголов ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Какую-то зависимость от качества гласных в словоформе нам выявить не удалось. Эти данные заставляют предположить, что в южно-хантыйских диалектах в непроизводных словах было представлено парадигматическое фонологически значимое ударение.

Учитывая, что аналогичные системы были выявлены в центральных и южно-селькупских диалектах (экспедиции 2009—2010 года, архивные данные М. А. Кастрена, А. П. Дульзона) [Норманская 2012a], во всех ненецких диалектах (экспедиции М. К. Амелиной 2009—2012 года) [Амелина 2011; 2012], и в качестве рудиментов в энецком языке (архивные данные М. А. Кастрена) [Норманская 2012б], можно предположить, что парадигматическое ударение в уральских языках является весьма древним. Поэтому представлялось целесообразным продолжить его поиск в других хантыйских и мансийских диалектах.

Работа по поиску таких систем ведется нашим коллективом в рамках работ по грантам Президента РФ, РФФИ, РНФ. За последние 8 лет была проведена серия экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, где в результате контактов с местной администрацией было установлено, что там проживают ханты или манси, владеющие родным языком: к березовским, казымским, шурышкарским, низямским, салымским, сургутским, васюганским, александровским, ваховским хантам, средне-обским, юкондинским, сосвинским манси. Было выявлено, что в большинстве северо-западных диалектов хантыйского языка ударение фиксировано на первом слоге. Ситуация с ударением в шурышкарском диалекте нуждается в дальнейших исследованиях. Оно явно разноместное, что отмечают и сами носители языка, но при анкетировании С. В. Ониной был зафиксирован ряд случаев, когда одна и та же словоформа в разных контекстах имела ударение то на первом, то на втором слоге. Представляется, что анализ полного материала словаря и представительного числа контекстов с разными формами парадигмы в фонетической программе Praat позволит описать эту систему. В салымском³², васюганском, ваховском диалектах, которые считаются восточно-хантыйскими, видимо, представлено ударение, которое особым образом зависит от

³⁰ Здесь приводятся только те схемы, на которые найдено более четырех примеров на материале этимологий [UEW].

³¹ В статье при изложении материала оказалось целесообразнее сначала дать сведения о месте самодийского ударения и его соответствия в ФП языках, а потом хантыйского. Дело в том, что корней, для которых одновременно в финно-волжских, пермских и самодийских языках удается реконструировать а.п., значительно больше (41 праформа), чем слов, имеющих рефлекс с четкой а.п. одновременно в финно-волжском, прапермском и хантыйском (5 праформ). Поэтому целесообразно привлекать к сравнению с хантыйскими сразу и самодийские данные: это дает увеличение количества форм с надежным рефлексом а.п. в трех языковых семьях ПП, хантыйской, ФВ или ПС (до 21 праформы).

³² Этот диалект по данным предшествующих исследователей (см. [Nikolaeva 1999]) относят к уже исчезнувшим. М. К. Амелина нашла несколько десятков людей, хорошо владеющих диалектом, но из них лишь одна женщина (Каюкова Светлана Петровна) согласилась сотрудничать.

состава гласных в словоформе, ср. [Норманская 2013], а в низямском диалекте хантыйского языка, промежуточном между северо- и юго-западными, в кондинском, обском, сосвинском (д. Хулимсунт) диалектах мансийского языка было выявлено разноместное ударение. В каждом диалекте был записан полный словарь всей исконной финно-угорской лексики от двух и более носителей языка³³. В настоящее время эти словари можно найти на сайте lingvodoc.ispras.ru.

В результате сопоставления низямских³⁴ данных с материалами М. А. Кастрена по иртышскому диалекту, проведенного в [Норманская 2014], мы пришли к следующему выводу. В непроемных словах ударение в современном низямском диалекте полностью совпадает с южно-хантыйскими данными М. А. Кастрена, записанными на Иртыше. Оно может быть либо фиксировано на корне, либо на окончании. Поскольку ни в материалах М. А. Кастрена, ни в полевых записях от носителей низямского диалекта не представлены развернутые парадигмы, то вопрос о наличии изменения места ударения при словоизменении остается открытым. В производных основах в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроемных основ в словаре не позволяет установить акцентный тип корня. Это ударение, видимо, следует реконструировать для прахантыйского языка, поскольку, с одной стороны, в восточных диалектах представлена явно инновационная система ударения, связанная с прахантыйским качеством гласного, а с другой, низямско-иртышские а.п. имеют надежные соответствия в других уральских языках. При сравнении их с ФП, ПП и ПС ударением обнаружались следующие соответствия:

Таблица 15

Соответствия ФВ, ПП, ПС и ПХант. акцентных парадигм

ПУ	ФВ	ПП	ПС	ПХант.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.	I а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.	II а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.	I а.п.

II.4. Соответствие прапермского ударения в мансийских диалектах

Мансийское разноместное ударение отмечалось еще в XIX в. в работе [Munkácsi 1894]. Он приводит парадигмы глагола для северных, восточных, западных и южно-мансийских диалектов.

Для **тавдинского (южного) диалекта** Б. Мункачи выделяет две акцентные парадигмы: у части глаголов с одним и тем же типом спряжения ударение фиксировано на первом слоге, а у части — на втором слоге.

К сожалению, для других диалектов примеров разной постановки ударения в одном и том же типе спряжения в монографии Б. Мункачи не представлено. Он приводит для действительного залога (*cselekvő alak*) только формы глагола *min-/mën-* ‘идти’, который в современных диалектах имеет ударение не на первом слоге. По Б. Мункачи, в большинстве форм этого глагола ударение ставится не на первый слог. Но другие глаголы с ударением, фиксированным на первом слоге, приводятся только для ил-

³³ Исключение составляет салымский диалект, где словарь был записан от одной носительницы и не полностью.

³⁴ Записи по низямскому диалекту были сделаны С. В. Онойной: была проведена экспедиция к последним носителям низямского диалекта, живущим изолированно от носителей казымского диалекта, наиболее распространенного и положенного в основу литературного языка. Было проанкетировано два человека пожилого возраста (старше 60 лет), живущих изолированно в лесах: Хорова Ольга Сергеевна, Хоров Сергей Николаевич. Родным диалектом они владели все-таки весьма слабо (основной язык общения русский). От каждого носителя было записано около 200 слов исконной лексики. Для каждого слова записано несколько контекстов с разными парадигматическими формами. Затем С. В. Онина опросила свою более молодую коллегу-филолога (Никонову Антонину Николаевну). Поскольку А. Н. Никонова специально поддерживает уровень владения родным диалектом, то, несмотря на то, что она преподает на казымском диалекте, она хорошо владеет и низямским. Эта носительница читала в студийных условиях на диктофон полный словарь низямского диалекта (около 2500 слов); к сожалению, без контекстов и парадигматических форм. Несмотря на это, материал, представленный ею, очень ценен, потому что последние данные о низямском диалекте были записаны более 80 лет назад, а сейчас он находится на грани исчезновения. Обработанный, затранскрибированный А. А. Козловым, проэтимологизированный Ю. В. Норманской, этот словарь доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/654/3/perspective/654/4/view>.

иллюстрации страдательного залога (*szenvedő alak*). Поэтому при анализе монографии [Munkácsi 1894] можно предположить, что место ударения было связано с типом спряжения, однако современные материалы показывают, что это не так, и эта гипотеза связана, вероятно, просто с не совсем удачным подбором иллюстративных форм. Ниже мы предполагаем, что различное место ударения и во времена Б. Мункачи не зависело от типа спряжения, и интерпретируем тот факт, что в одних глаголах ударение было фиксировано на корне, а в других имело подвижный характер, как две разные акцентные парадигмы.

В **пелымском (западном) диалекте** по Б. Мункачи выделяются первая акцентная парадигма с ударением, фиксированным на корне и вторая — с ударением, которое в части форм находится на втором слоге (в настоящем времени в формах 1, 2, 3 DU, 1, 2 PL), а в других происходит дифтонгизация окончания (1, 2 SG, 3 PL). Присутствует еще не вполне понятное, иногда факультативное, удлинение части окончаний у некоторых глаголов: *älīm/älīm* ‘я собираюсь’, *älīn/älīn* ‘ты собираешься’, *älitē/älit* ‘он собирается’. С учетом исчезновения носителей пелымского диалекта уже нет надежды установить, какое именно просодическое различие стояло за этим явлением.

В **кондинском (восточном) диалекте** Б. Мункачи также выделяет две акцентные парадигмы: одна — с ударением, фиксированным на корне, и вторая — с разноместным ударением.

В северных диалектах разноместное ударение отмечено не было.

К сожалению, этот ценный материал, приведенный в монографии [Munkácsi 1894], нельзя назвать исчерпывающим. Как было сказано выше, в качестве иллюстрации глагольных парадигм для каждого из диалектов приводится лишь несколько лексем. Более информативным в этом плане является словарь [Munkácsi, Kálmán 1986]. В нем практически для каждой глагольной южно-мансийской лексемы отмечено место ударения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени, по которому можно судить, относился ли глагол к первой или второй акцентной парадигме по [Munkácsi 1894]. К сожалению, в словаре отсутствуют данные о разноместном ударении в восточных и западных диалектах, которое было также отмечено в монографии.

В материалах А. Каннисто также отмечено ударение в южномансийских диалектах. Однако, в недавно опубликованном словаре [Kannisto 2014] в тавдинском диалекте в двухсложных словах или основах ударение всегда стоит на втором слоге, как в глаголах, так и в именах.

Таким образом, наблюдается противоречие между данными Б. Мункачи и А. Каннисто. В именах по Б. Мункачи в тавдинском диалекте ударение всегда падает на первый слог, по материалам А. Каннисто — на второй. В тех глаголах, в которых по А. Каннисто ударение фиксировано на втором слоге основы, по Б. Мункачи оно может быть, в форме третьего лица множественного числа настоящего времени как на первом слоге, так и на втором. Как объяснить это противоречие, в настоящее время не вполне ясно. Но, как будет показано ниже, ударение в тавдинских формах по Б. Мункачи достаточно точно соответствует современным полевым данным.

В 2013 г. М. К. Амелина предприняла экспедицию в д. Шугур Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) с целью сбора материала по юкондинскому диалекту мансийского языка³⁵, в результате в собранном материале были выявлены три акцентные парадигмы в глаголах³⁶.

³⁵ В ходе экспедиции были найдены всего два носителя этого диалекта, которые могли на нем говорить: Селиванова (урожд. Нохова) Елизавета (Анна) Ивановна (1923 г. р., на момент записи — 89 лет) и Шивторов Максим Семенович (1939 г. р., на момент записи — 74 года); остальные манси в д. Шугур помнят лишь отдельные слова. От этих двух носителей были записаны полные словники исконной лексики с парадигмами и контекстами их употребления, а также небольшие тексты. Через пять дней после отъезда М. К. Амелиной из д. Шугур, 2-го апреля 2013 г., Селиванова Елизавета Ивановна скончалась. Важно отметить, что в настоящее время анализ данных, собранных от двух носителей восточномансийского (юкондинского) диалекта, указывает на их высокую значимость для лингвистики: оказалось, что, по сравнению с литературным северномансийским, в восточномансийском диалекте представлены архаические черты — три степени долготы гласных и три акцентных парадигмы глагола. Собранный материал подтверждает, что эти черты, которые встречаются и в обском (северномансийском) диалекте, должны быть реконструированы и для прамансийского языка. Наличие записей от двух носителей указывает на то, что та или иная черта не является особенностью идиолекта одного носителя, а была свойственна идиому в целом. На этом примере видно, что каждый год промедления может быть фатальным для сохранения материала языков и диалектов, которые находятся на грани исчезновения. Ранее фонетические отличия юкондинского диалекта от мансийского литературного языка были описаны в [Кузакова 1963; Сайнахова 2012], однако система ударения в этом диалекте не была изучена.

³⁶ Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/657/3/perspective/657/4/view>. Более подробная информация о нем представлена в статье [Норманская 2015б].

Как было сказано выше, разноместное ударение в северно-мансийских диалектах, насколько нам известно, отмечено ранее не было. Но в результате полевой работы в 2013 году в двух селах Октябрьского района ХМАО: с. Нижние Нарынкары и с. Перегрёбное, — было выявлено разноместное ударение в глагольных парадигмах средне-обского диалекта мансийского языка³⁷. Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view>, более подробная информация о нем представлена в статье [Норманская 2015a]. В 2016 году нашлось разноместное ударение и в с. Хулимсунт Березовского района ХМАО, в глагольных парадигмах сосвинского диалекта мансийского языка³⁸.

Ниже приведем глагольные акцентных парадигмы в двух северных (средне-обском и сосвинском) и одном восточном (юкондинском) мансийских диалектах, выявленные в результате анализа в фонетической программе Praat полевого материала по северным и восточному мансийским диалектам.

Во всех рассматриваемых мансийских диалектах было выявлено три акцентных парадигмы: в первой ударение фиксировано на первом слоге, во второй оно находится не на первом слоге, а в третьей в части форм на первом слоге, а в других на втором слоге. Набор форм с ударением на первом vs. на втором слоге в диалектах различается, поэтому ниже мы приведем примеры акцентных парадигм для каждого диалекта.

В юкондинском диалекте в формах настоящего времени изъявительного наклонения и повелительного наклонения³⁹ акцентные кривые в этих парадигмах выглядят следующим образом: см. Табл. 4. В прошедшем времени вне зависимости от акцентной парадигмы ударение фиксировано на корне.

Таблица 16

Ударение в настоящем времени в юкондинском глаголе по современным полевым данным

	I а.п. (ударение на корне)	II а.п. (ударение на окончании)	III а.п. (ударение разноместное)
1SgPraes	<i>pójtam</i> ‘я варю’	<i>pel'ám</i> ‘я боюсь’	<i>rónim</i> ‘я положу’
2SgPraes	<i>pójtan</i> ‘ты варишь’	<i>pel'én</i> ‘ты боишься’	<i>rónin</i> ‘ты положишь’
3SgPraes	<i>pójti</i> ‘она варит’	<i>pelí</i> ‘он боится’	<i>róni</i> ‘он положит’
1PIPraes	<i>pójtiva</i> ‘мы варим’	<i>pel'íva</i> ‘мы боимся’	<i>ronívu</i> ‘мы положим’
2PIPraes	<i>pójtina</i> ‘вы варите’	<i>pel'ína</i> ‘вы боитесь’	<i>ronína</i> ‘вы положите’
3PIPraes	<i>pójtæt</i> ‘они варят’	<i>pel'æt</i> ‘они боятся’	<i>ronát</i> ‘они положат’
2SgImp	<i>pójtiten</i> ‘свари!’	<i>pél'en</i> (устар.) или <i>pel'én</i> ‘бойся!’	<i>ronán</i> ‘положи!’
2PIImp	<i>pójtinen</i> ‘сварите!’	<i>pél'enen</i> ‘бойтесь!’	<i>roninen</i> ‘положите!’

В средне-обском диалекте в формах настоящего времени изъявительного наклонения и повелительного наклонения акцентные кривые выглядят следующим образом (см. таблицу 17).

Кривая разноместного ударения в III а.п. в атематических глаголах может быть несколько иной. Но во всех случаях форма 3 Sg имеет ударение на корне, а форма 3 Pl ударение на окончании. Именно поэтому далее в качестве диагностических форм выбраны именно эти.

В прошедшем времени в словах I и III а.п. ударение всегда фиксировано на первом слоге, в словах II а.п. акцентная кривая представлена в таблице 18.

³⁷ И. А. Стенин опросил и по возможности записал словник исконной лексики от четырех носителей обского диалекта мансийского языка из д. Нижние Нарынкары: Бутариной Галины Васильевны, Куликовой Нины Иосифовны, Матвеевой Зинаиды Яковлевны, Плехановой Клавдии Семеновны — и от двух носителей из с. Перегрёбное — Гындышевой Таисии Григорьевны и Ярлиной Евдокии Григорьевны. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше 60-ти лет. В детстве они владели только мансийским языком и до школы не знали русского. В настоящее время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык. Фонетические отличия обского диалекта от мансийского литературного языка кратко описаны в [Ромбандеева 1973; Сайнахова 2012], но авторы подчеркивали, что в целом обской диалект фактически не изучен. Вероятно, поэтому ранее исследователи не отмечали наличия разноместного ударения в обском глаголе.

³⁸ Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/660/7/perspective/660/8/view>.

³⁹ Место ударения в других глагольных словоформах нуждается в дальнейшем изучении, поскольку в ходе опроса материал по ним был собран далеко не в полном объеме.

Таблица 17

Ударение в настоящем времени в средне-обском глаголе
по современным полевым данным

	I а.п. (ударение на корне)	II а.п. (ударение на окончании)	III а.п. (ударение разноместное)
1SgPraes	<i>tóvtegu</i> 'я жую'	<i>minégun</i> 'я ухожу'	<i>jóm'egu</i> 'я иду'
2SgPraes	<i>tóvtegen</i> 'ты жуёшь'	<i>minégen</i> 'ты уходишь'	<i>jóm'egen</i> 'ты идёшь'
3SgPraes	<i>tóvte</i> 'он жуёт'	<i>miní</i> 'она уходит'	<i>jómi</i> 'он идёт'
1DuPraes	<i>tóvtim'en</i> 'мы двое жуём'	<i>minim'ən</i> 'мы двое уходим'	<i>jómim'en</i> 'мы двое идём'
2DuPraes	<i>tóvtian</i> 'вы двое жуёте'	<i>miniján</i> 'вы двое уходите'	<i>jomiján</i> 'вы двое идем'
3DuPraes	<i>tóvteh</i> 'они двое жуют'	<i>minéh</i> 'они двое уходят'	<i>jom'éh</i> 'они двое идут'
1PlPraes	<i>tóvteve</i> 'мы жуём'	<i>minév</i> 'мы уходим'	<i>jom'év</i> 'мы идём'
2PlPraes	<i>tóvtian</i> 'вы жуёте'	<i>miniján</i> 'вы уходите'	<i>jomiján</i> 'вы идёте'
3PlPraes	<i>tóvteget</i> 'они жуют'	<i>minégət</i> 'они уходят'	<i>jom'égət</i> 'они идут'
2SgImp ⁴⁰		<i>mínen</i> 'иди!'	
2PlImp	<i>tóvten</i> 'жуйте!'	<i>minén</i> 'идите!'	<i>joméń</i> 'идите!'

Таблица 18

Ударение в прошедшем времени в глаголах II а.п. в средне-обском диалекте
по современным полевым данным

	II а.п.
1SgPraes	<i>minásum</i> 'я ушла'
2SgPraes	<i>minásem</i> 'ты уходишь'
3SgPraes	<i>mines</i> 'она ушла'
1DuPraes	<i>minesmən</i> 'мы двое ушли'
2DuPraes	<i>minasan</i> 'вы двое ушли'
3DuPraes	<i>minaseh</i> 'они двое ушли'
1PlPraes	<i>minasuv</i> 'мы ушли'
2PlPraes	<i>minasan</i> 'вы ушли'
3PlPraes	<i>minásət</i> 'они ушли'

В **сосвинском диалекте** мансийского языка (п. Хулимсунт) также представлены три акцентные парадигмы, которые выглядят следующим образом:

Таблица 19

Ударение в настоящем времени в сосвинском глаголе
по современным полевым данным

	I а.п. (ударение на корне)	II а.п. (ударение на окончании)	III а.п. (ударение разноместное)
1SgPraes	<i>téyət</i> 'я ем'	<i>xijéyət</i> 'я лежу'	<i>xiléyət</i> 'я положу'
2SgPraes	<i>téyən</i> 'ты ешь'	<i>xijéyən</i> 'ты лежишь'	<i>xiléjn</i> или <i>xilín</i> 'ты копаешь'
3SgPraes	<i>tej</i> 'он ест'	<i>xijí</i> 'он лежит'	<i>xilí</i> 'он копает'
1PlPraes	<i>téjuw</i> 'мы едим'	<i>xijéw</i> 'мы лежим'	
2PlPraes	<i>téjən</i> 'вы едите'		
3PlPraes	<i>tejt</i> 'они едят'	<i>xijéjt</i> 'они лежат'	<i>xiléjt</i> 'они копают'
2SgImp	<i>tájen</i> 'ешь!'	<i>xijén</i> 'лежи!'	<i>xilí</i> 'копай!'
2PlImp	<i>tájen</i> 'ешьте!'	<i>xijén</i> 'лежите!'	<i>xilian</i> 'копайте!'

К сожалению, формы прошедшего времени пока не удалось собрать.

⁴⁰ К сожалению, при опросе носителей не были опрошены все необходимые глагольные формы, поэтому часть клеток пока остаются незаполненными.

Опираясь на существующие материалы, мы сделали попытку реконструировать прамансийскую систему ударения. Подводя итоги проведенного анализа, можно сказать, что привлечение материала сосвинского диалекта с. Хулимсунт, собранного в полевых условиях Р. И. Идрисовым в 2016 году, подтверждает гипотезу, выдвинутую в статьях [Норманская 2015а, б], о реконструкции четырех акцентных парадигм для глаголов в прамансийском языке.

Таблица 20

Реконструкция прамансийских акцентных парадигм и их развитие в диалектах

ПМанс.	Сосьв.	Ср.-обск.	Юконд.	Тавд.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.
III а.п.	III а.п.	III а.п.	III а.п.	I а.п.
IV а.п.	I а.п.	III а.п.	III а.п.	II а.п.

Итак, в результате проведенного анализа было реконструировано разноместное ударение в следующих дочерних уральских языках:

- 1) в ФВ языке — две акцентные парадигмы,
- 2) в ПП языке — четыре акцентные парадигмы,
- 3) в ПХант. языке — две акцентные парадигмы,
- 4) в ПМанс. языке — четыре акцентные парадигмы,
- 5) в ПС языке — две акцентные парадигмы.

Было проведено полексемное сравнение а.п. в дочерних уральских языках с целью реконструкции ПУ системы ударения.

В результате были реконструированы следующие ПУ акцентные парадигмы:

Таблица 21

Прауральские акцентные парадигмы и их соответствия в дочерних языках

ПУ	ФВ	ПП	ПС	ПХант.	ПМанс.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I или III а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.	II а.п.	I или III а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.

Ниже приводится перечень праформ по [UEW], для которых можно установить а.п. в пермских языках и как минимум еще в одном из четырех вышеперечисленных дочерних уральских языках.

Для иллюстрации места ударения в языковых семьях мы приводим по словарю [UEW] и из полевых и архивных материалов следующие формы:

1) для финно-волжских языков правило постановки места ударения подробно описано в I главе, в монографии [Норманская 2008] приведен список ФВ слов с ударением, и указано, какая именно форма является диагностической для места его постановки (в большинстве случаев это качество мордовских гласных: широкие возникают в ударной позиции, узкие в безударной), эту форму мы и приводим в скобках.

2) Как было сказано выше, для определения прапермского места ударения диагностическими в первую очередь являются нижнеиньвенские коми-пермяцкие глагольные формы. В настоящее время большие парадигмы собраны от двух носителей, у которых сохранились только три из четырех акцентных парадигм: у носителя из д. Пиканово Г. Н. Бычкова совпали III и IV а.п., но I и II хорошо различаются, поэтому для иллюстрации выбора между ПП, I и II а.п. мы приводим форму по его диалекту в качестве иллюстративной. У Семушевой Г. П. из с. Тимино совпали III а.п. и I а.п., но они отличаются от IV а.п., поэтому для иллюстрации различения III и IV а.п. мы приводим иллюстративный материал по ее диалекту. В тех случаях, когда слово в наших полевых материалах по нижнеиньвенскому компермяцкому языку не представлено, мы приводим коми или удмуртскую форму по [UEW], по которой можно определить качество ПП. гласного: как было показано во II главе, широкие ПП. гласные возникают в словах с I и II а.п., а узкие в словах с III и IV а.п.

3) для ПС языка мы приводим праформу из словаря [Janhunen 1977], если она там представлена, и место ударения в ПС определяется также по качеству гласных: широкий ПС гласный возникает только в позиции под ударением, *ə только в безударной позиции, узкие гласные могут быть как ударными, так

и безударными, место ударения можно определить по ударению/долготе в ненецкой словоформе или ударению в южной и центральной селькупской словоформе, в которых представлены суффиксы с плюсовыми акцентными маркировками. В случаях, когда ПС форма в [Janhunen 1977] не реконструирована, мы приводим ненецкую лексему по [UEW], где в двусложных словах долгота гласного первого слога — маркер ударения на первом слоге, а нейтральный характер гласного указывает на ПС II а.п., см. подробнее III главу.

4) Для прахантыйского языка диагностическими для определения места ударения являются иртышские формы по архиву М. А. Кастрена и низямские непроизводные имена из наших полевых записей.

5) Для прамансийского являются диагностическими глагольные формы юкондинского, обского и сосвинского диалектов из наших полевых записей. Для всех упоминаемых слов эти формы по диалектам приведены в статьях [Норманская 2015а, б] и на сайте lingvodoc.ispras.ru. Во всех диалектах сохранились только три или две а.п. из четырех, которые мы реконструируем для ПМанс. В юкондинском (восточном) совпали I и IV а.п., в обском и сосвинском диалектах (северных) — III и IV а.п. Здесь мы в качестве иллюстрации приводим, в первую очередь, юкондинскую форму, а если она не засвидетельствована, то пример из северных диалектов.

ПУ I а.п.: ФВ I а.п. — ПП I а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. — ПМанс. I или III а.п.

1. **äktV*- ‘бить, рубить, резать’ [UEW: 23]: ПП I а.п. (коми *oktj-* ‘рубить’) — ПМанс. III а.п. (сосьв. *jákti* ‘режет’, *jaktéyət* ‘они режут’);
2. **čappV* ‘ударять с громким звуком, рубить’ [UEW: 29]: ФВ I а.п. (морд. *čapa-* (Е, М) ‘бить с хлопающим шумом, хлопать’ [Paasonen 1990—1996: 158]) — ПП I а.п. (пик. *čárka* ‘я бросаю’);
3. **eskV*- ‘верить’ [UEW: 86]: ПП I а.п. (коми *eskj-* (S) ‘верить’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Éwidem* ‘верил’ — низ. *éwittum* ‘верил’) — ПМанс. I а.п. (сосьв. *ájtew* ‘мы верим’);
4. **kälä* ~ **kalä* ‘переходить вброд’ [UEW: 133]: ФВ I а.п. (морд. *kele-* (Е), *kälä-* (М), [Paasonen 1990—1996: 689]) — ПП I а.п. (тим. *kéva* ‘бреду по воде’) — ПХант. I а.п. (низ. *kittem* ‘я перехожу’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *nəx kälkæn* ‘они встают’);
5. **kenčV* (~ **kečV*) ‘искать’ [UEW: 145]: ПП I а.п. (пик. *kóšša* ‘я ищу’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Kénds'em* ‘я ищу’) — ПМанс. III а.п. (обск. *kínsi* ‘он ищет’, *kínséht* ‘они ищут’);
6. **končV* (**kančV*) ~ **kočV* (**kačV*) ‘делать пестрым, раскрашивать’ [UEW: 176]: ПП I а.п. (коми *koč(a)* ‘рябой’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Xanđs'em* ‘я пишу’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *χónsat* ‘они пишут’);
7. **kuška* (**koška*) ‘сухой, сохнуть’ [UEW: 223]: ФВ I а.п. (морд. *koške* (Е), *koškä* (М) ‘сухой, тощий’, *koške-* (Е), *koško-* (М) ‘сухой’ [Paasonen 1990—1996: 872]) — ПП I а.п. (пик. *kóšta* ‘я сушу’) — ПС I а.п. (**kāsä* ‘сухой’ [Janhunen 1977: 60]);
8. **lewIV*⁴¹ ‘душа, дух’ [UEW: 247]: ПП I а.п. (коми *lol* (S) ‘дух, душа’) — ПМанс. I а.п. (сосьв. *liltéyət* ‘я дышу’, *liltéw* ‘мы дышим’);
9. **mälV* ‘чувствовать, прикасаться’ [UEW: 242]: ПП I а.п. (пик. *máuta* ‘я мажу’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Mélek* ‘теплый’);
10. **pentV* ‘закрывать’ [UEW: 371]: ПП I а.п. (коми *peđlal-* (S) ‘закрывать’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *pénten* ‘закроют’);

⁴¹ Здесь и далее мы включаем в список примеров формы с долгим гласным в ПФ языках, которые не были включены в рассмотрение в главах, посвященных развитию вокализма. Дело в том, что в этих примерах не всегда ясно, какой праязыковой гласный следует реконструировать, поскольку в большинстве случаев при реконструкции гласного ученые опираются на ПФ рефлекс, и поэтому, с нашей точки зрения, они не могут образовывать доказательную базу для описания регулярных соответствий гласных. Но с точки зрения развития ударения, эти слова оказываются полностью регулярными, поскольку реконструкция ударения в большинстве случаев строится на «прямых свидетельствах»: сравнении акцентных парадигм, сохранившихся в ФВ языках — в пшеновском диалекте мокшанского языка в **a*-основах, в ПП языках — в нижеиньвенских глагольных парадигмах, в ПС языке — в ненецких и селькупских диалектах, в ПХант. языке — в иртышском и низямском диалектах, в ПМанс. языке — в юкондинском, сосвинском и обском диалектах. Если форм, свидетельствующих об ударении, для рассматриваемого слова не засвидетельствовано (например, это именная *a*-основа в мокшанском, что автоматически не дает прямых свидетельств а.п. в ФВ и ПП языках), то место ударения в ФВ, ПП, ПС языках можно в большинстве случаев определить по качеству гласного, и в таком случае привлечение основ с ПФ долгими гласными, для которых рефлексация вокализма еще не вполне изучена, неправомерна. Поэтому мы рассматриваем только те основы с долгим гласным, в которых в нескольких языковых семьях есть прямые свидетельства об ударении.

11. ПУ **pušV* ‘протереться, износиться’ [UEW: 409]: ПП I а.п. (удм. *pošt-* (S) ‘быть изношенным’) — ПМанс. III а.п. (юконд. *pošjen* ‘постирает’, *pošjan* ‘постирают’);
12. **sewe* ‘есть’ [UEW: 440]: ПП I а.п. (пик. *šoja* ‘я ем’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Tájem* ‘я ем’, низ. *téret* ‘ем’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *tiajæen* ‘они едят’);
13. **soske* ‘жевать’ [UEW: 440]: ПП I а.п. (коми *seški-* (I P) ‘жевать, сосать’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *tówtian* ‘они жуют’);
14. **šilke* (**šülke*) ‘слюна’ [UEW: 479]: ПП I а.п. (коми *šelal-* (S) ‘плевать, рвать’) — ПМанс. III а.п. (сосьв. *sál’yi* ‘плюет’, *sal’yéyət* ‘плюют’);
15. **wole* ‘быть, становиться’ [UEW: 580]: ПП I а.п. (коми *vel-* (S) ‘быть’) — ПМанс. III а.п. (сосьв. *ólew* ‘мы живем’);

ПУ II а.п.: ФВ I а.п. — ПП II а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. — ПМанс. II или IV а.п.

1. **elä-* ‘жить’ [UEW: 73]: ФВ I а.п. (морд. *eŕa-*, *äŕa-* (E), *eŕa-* (M) ‘жить’ [Raasonen 1990—1996: 368]) — ПП II а.п. (пик. *uá*) — ПС I а.п. (ненец. *jile-* (O) ‘жить’);
2. **jekkV* ‘танцевать’ [UEW: 96]: ПП II а.п. (пик. *jektá* ‘я танцую’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Jagém/Jikum* ‘я танцую’, низ. *jáxtu*) — ПМанс. IV а.п. (юконд. *jiaki* ‘танцует’, *jiakət* ‘они танцуют’);
3. **kaja* ‘кидать’ [UEW: 116]: ФВ I а.п. (морд. *kaja-* (E M) ‘бросать, набрасывать’ [Raasonen 1990—1996: 566]) — ПП II а.п. (пик. *kojá* ‘бросаю воду’);
4. **kärV* ‘завязывать, шнуровать’ [UEW: 139; Aikio 2002: 18]: ПП II а.п. (пик. *gərd’á* ‘я вяжу’) — ПС I а.п. (**ker-* ‘надевать’ [Janhunen 1977: 68; Aikio 2002: 18]);
5. **kađá* ‘оставлять, покидать’ [UEW: 115]: ФВ I а.п. (морд. *kado-* (E) *kađə-* (M) ‘оставлять, позволять’ [Raasonen 1990—1996: 561]) — ПП II а.п. (пик. *kol’á* ‘я оставляю’) — ПС I а.п. (**kájä-* ‘оставлять’) — ПМанс. II а.п. (обск. *χul’ti* ‘остаётся’, *χul’téit* ‘они остаются’);
6. **pele* ‘бояться’ [UEW: 370]: ПП II а.п. (пик. *poá* ‘я боюсь’) — ПС I а.п. (ненец. *pilü-* (O) ‘бояться’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Peédem* ‘я боюсь’) — ПМанс. II а.п. (юконд. *pelí* ‘он боится’, *pel’cət* ‘они боятся’);
7. **tumte* ‘чувствовать, воспринимать, знать’ [UEW: 536]: ПП II а.п. (пик. *tədá*) — ПС I а.п. (**t’umt’á* ‘знать’ [Janhunen 1977: 167]);
8. **waja* ‘опускаться’ [UEW: 551]: ФВ I а.п. (морд. *vaja-* (E), *vaja-* (M) ‘падать’ [Raasonen 1990—1996: 2511]) — ПП II а.п. (пик. *wojá* ‘я тону’);
9. **wołV* ‘сдирать кору’ [UEW: 582]: ФВ I а.п. (морд. *wala-* (E) ‘выпрямляться, разглаживаться’) — ПП II а.п. (пик. *wolá* ‘сдираю кору’);

ПУ I или II а.п.: ФВ I а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. (Это те случаи, когда ПП или ПМанс. а.п. не известны)

1. **äjmä* ‘иголка’ [UEW: 22]: ПП I а.п. (коми *jet* (S) ‘игла’) — ПС I а.п. (**ejmä* ~ **nejmä*);
2. **akta* ‘вешать’ [UEW: 5]: ФВ I а.п. (морд. *avto-* ~ *avte-* ~ *afte-* (E), *aftə-* (M) ‘поставить сеть, капкан’ [Raasonen 1990—1996: 94]) — ПП I а.п. (*okti-* (S) ‘расставлять ловушки’);
3. **ańa* ‘жена старшего родственника’ [UEW 10]: ФВ I а.п. (морд. *niz-ańa* ‘теща’ (E), *ańaka* ‘старшая сестра’ (M)) — ПП I а.п. (коми *eńe*, *eńa* ‘невестка’) — ПС I а.п. (ненец. *ñejjè* (O) ‘младшая сестра матери’ [Lehtisalo 1956: 313]⁴²);
4. **aje* ‘дыра, нора’ [UEW 11]: ПП I а.п. (коми *vom* (S) ‘рот’) — ПС I а.п. (**äj* ‘рот’ [Janhunen 1977: 20]);
5. **arwa* (**arɣa*) ‘цена’ [UEW: 16]: ФВ I а.п. (морд. *arce-* (E), *arśə-* (M) ‘думать, быть расположенным’ [Raasonen 1990—1996: 68]) — ПП I а.п. (коми *artal-* (S) ‘обдумывать’);
6. **jäpše* ‘тонкие палочки, копье’ [UEW 94]: ПП I а.п. (коми *joś* (S) ‘тонкие палочки’) — ПС I а.п. (**jäpsə* ‘палочки для жарки’ [Janhunen 1977: 41]);
7. **järV* ‘круг’ [UEW 94]: ПП I а.п. (коми *jer* (S) ‘сад овощей’) — ПС I а.п. (ненец. *jör-* (O) ‘круг’ [Lehtisalo 1956: 136—137]⁴³);
8. **jOrtV* ‘друг, товарищ’ [UEW 108]: ПП I а.п. (коми *jort* (I P PO) ‘товарищ, супруг’) — ПС I а.п. (ненец. *jürü* (O) ‘друг’);
9. **kačV* ‘подарок, дарить’ [UEW 111]: ПП I а.п. (коми *kožin* (S) ‘подарок’) — ПС I а.п. (**käsəj* [Janhunen 1977: 61]);

⁴² Для этого слова мы приводим форму из словаря [Lehtisalo 1956], поскольку в словаре [UEW] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка, и оно приведено без долготы в первом слоге *neje*.

⁴³ Для этого слова мы приводим форму из словаря [Lehtisalo 1956], поскольку в словаре [UEW] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка, и оно приведено без долготы в первом слоге *jorka*.

10. **kajV* (**kojV*) ‘ложка’ [UEW 117]: ПП I а.п. (коми *koj* (VU) ‘деревянная лопатка’) — ПС I а.п. (**kuj* ‘ложка’ [Janhunen 1977: 76]);
11. **kälV* (? **kälV-wV*) ‘невестка’ [UEW: 135]: ПП I а.п. (коми *kel* (*kelj-*) (S) ‘невестка’) — ПС I а.п. (**kelä* [Janhunen 1977: 67]);
12. **kama* ‘кожура’ [UEW: 121]: ПП I а.п. (коми *komil* (Le.) ‘кожура’) — ПС I а.п. (**kämä* [Janhunen 1977: 63]);
13. **kerpä* ‘легкий’ [UEW: 146]: ПП I а.п. (удм. *karci* (S) ‘легкий’) — ПС I а.п. (**kejрз-* ‘легкий’ [Janhunen 1977: 67]);
14. **komV(rV)* ‘пустая ладонь’ [UEW: 175]: ФВ I а.п. (морд. *komoro* (E), *komor* (M) ‘горсть’) — ПП I а.п. (коми *kamir* ‘горсть’) — ПС I а.п. (**kämä*, **kemä* ‘(раскрытые) руки’ [Janhunen 1977: 63]);
15. **koñčkV* ~ **kočkV* ‘кора дерева’ [UEW: 179]: ПП I а.п. (коми *kaž* (S) ‘внутренний срез коры сосны’) — ПС I а.п. (**käsä* ‘кора дерева’ [Janhunen 1977: 65]);
16. **korkV* ‘вид дикой утки или чайки’ [UEW: 185]: ПП I а.п. (коми *keręg* (S) ‘утка’) — ПС I а.п. *χūrōχο*, *χūrūχο* (O) ‘черная морская чайка’;
17. **kure* ‘завязывать, шнуровать’ [UEW: 215]: ПП I а.п. (коми *ker-* (S, P) ‘делать складки’) — ПС I а.п. (**kurā-* ~ (? **kujrā-*) ‘завязывать’ [Janhunen 1977: 76]);
18. **kurV* ‘корзина, сосуд из березы’ [UEW: 219]: ПП I а.п. (удм. *kör* (K) ‘корзина из коры липы’) — ПС I а.п. (**kor* ‘сосуд’ [Janhunen 1977: 74]);
19. **läppV* (~ **äppV*, -e-) ‘селезенка’ [UEW 242]: ПП I а.п. (коми *lop* (*loрj-*) (S) ‘селезенка’) — ПС I а.п. (ненец. *rapšā* (Nj.) ‘селезенка’);
20. **mättV* (*mVttV*) ‘дом, чум’ [UEW: 269]: ПП I а.п. (коми *mate* (S) ‘вблизи’) — ПС I а.п. (**mät* ‘палатка, дом’ [Janhunen 1977: 90]);
21. **miñä* ‘невестка, молодая женщина’ [UEW: 276]: ПП I а.п. (*moñ* (S) ‘невестка’) — ПС I а.п. (**mej¹ä* ‘невестка’ [Janhunen 1977: 92]);
22. **tuja* ‘касаться’ [UEW: 284]: ПП I а.п. (коми *tojd-kil* (S) ‘сказка’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Múujip* ‘загадка’ — низ. *túncəp* ‘загадка’);
23. **ñeljä* (**neljä*) ‘четыре’ [UEW: 316]: ФВ I а.п. (морд. *ñile* (E), *ñilä* (M), *ñiləñast* ~ *ñileñast* (M) ‘вчетвером’, [Raasonen 1990—1996: 1402]) — ПП I а.п. (коми *noł* (S) ‘четыре’);
24. **ñErV* ‘ростки, молодая поросль’ [UEW: 331]: ПП I а.п. (коми *ñer* (S) ‘росток’) — ПС I а.п. (**ñer* ‘ива’ [Janhunen 1977: 108]);
25. **osa* ‘ягода’ [UEW: 343]: ПП I а.п. (коми *oz* (S) ‘ягода’) — ПС I а.п. (**wot³*);
26. **pala* ‘кусочек, пожирать’ [UEW: 350]: ФВ I а.п. (морд. *pal* (E) ‘кусочек (о продуктах)’, *pal*, Род. *palən* (M) ‘мясо’ [Raasonen 1990—1996: 1510]) — ПП I а.п. (коми *palak* (Skr.) ‘пласт; ком, комок (земли, навоза, снега)’) — ПС I а.п. (**pälä-* ‘глотать’ [Janhunen 1977: 116]);
27. **pälä* ‘половина, сторона’ [UEW: 362]: ФВ I а.п. (морд. *péle* (E), *pälä* (M) ‘половина’ [Raasonen 1990—1996: 1597]) — ПП I а.п. (коми *pəl* (S) ‘сторона’) — ПС I а.п. (**pelä* ‘половина’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Pällek* ‘сторона’, низ. *pélək* ‘сторона’);
28. **pälkä* ‘большой палец’ [UEW: 363]: ФВ I а.п. (морд. *pelka* (E), *pälkä* (M)) — ПП I а.п. (*pel* (S)) — ПС I а.п. (ненец. *píkce* (O));
29. **peljä* ‘ухо’ [UEW: 375]: ФВ I а.п. (морд. *píle* (E), *pilä* (M) [Raasonen 1990—1996: 1660]) — ПП I а.п.;
30. **pikkä* (**päkkä*) ‘живот, желудок’ [UEW: 379]: ФВ I а.п. (морд. *péke* (E), *pékä* (M) ‘желудок, живот’ [Raasonen 1990—1996: 1593]) — ПП I а.п. (коми *pək* (S) ‘икра’);
31. **pilmV* ‘темный, становиться темный’ [UEW 381]: ПП I а.п. (коми *pemid* (S) ‘темный’) — ПС I а.п. (ненец. *päewde* (O));
32. **salkV* ‘палка, ствол’ [UEW: 460]: ФВ I а.п. (морд. *salgo*, *salga* (E), *salga* (M) ‘палочка’) — ПП I а.п. (коми *žal* (S));
33. **säppä* ‘желчь’ [UEW: 435]: ФВ I а.п. (морд. *sepe* (E), *säpä* Род. -en (M) [Raasonen 1990—1996: 1968]) — ПП I а.п. (коми *sep* (S) ‘желчь’);
34. **šidä(-mV)* (**südə(-mV)*) ‘сердце’ [UEW: 477]: ПП I а.п. (коми *šeļem* (S) ‘сердце’) — ПС I а.п. (**sejə* ‘сердце’ [Janhunen 1977: 139]);
35. **soja* ‘рука, рукав’ [UEW: 445]: ПП I а.п. (коми *soj* (S) ‘рука’) — ПХант. I а.п. (низ. *tídəw* ‘рукав’);
36. **sVŋčV* (**sVŋčV-IV*) ~ **sVčV* (**sVčV-IV*) ‘ящерица’ [UEW: 454]: ПП I а.п. (коми *čožul* (S)) — ПС I а.п. (**t,änsə* ‘ящерица’ [Janhunen 1977: 151]);
37. **wočä* ‘изгородь’ [UEW: 577]: ПП I а.п. (коми *vož* (Pr. V) ‘сеть для ловли рыбы’) — ПС I а.п. (**wäc* ‘изгородь’ [Janhunen 1977: 151]);
38. **đimä* (**đimä*) ‘клей’ [UEW: 66]: ПП I а.п. (коми *lēməd-* (S) ‘клеить’) — ПС I а.п. (ненец. *jībe*, *jīte* (O));

Исключения

1. **šecä* ‘дядя’ [UEW: 34]: ФВ II а.п. (морд. *šiče* (E) ‘муж сестры, который старше, чем я’, *ščäná* St. *ščäná-* (M) ‘бабушка со стороны матери’ [Raasonen 1990—1996: 259]) — ПП I а.п. (коми *šož* (S) ‘дядя’) — ПС II а.п. (**cicä* ‘дядя’ [Janhunen 1977: 133]);
2. **kOIV* ‘(внутренние) черви’ [UEW: 227]: ПП I а.п. (коми *škol* (S)) — ПС II а.п. (ненец. *χalī* (O));
3. **lappV* ‘плоский’ [UEW: 237]: ПП I а.п. (коми *lap* (I)) — ПС II а.п. (*lapcā-* (O));
4. **pašV* (**paškV*) ‘нора, отверстие’ [UEW: 357]: ПП I а.п. (*paškal-* (S) ‘распространяться’) — ПС II а.п. (*pasī* (O) ‘вагина’);
5. **pane* ‘класть, ставить’ [UEW: 353]: ПП I а.п. (коми *pen-* (S P) ‘coire cum femina’) — ПС I а.п. (**pen-* ‘лежать’ [Janhunen 1977: 118]) — ПХант. I а.п. (ирт. *Pâném* ‘я кладу’);
6. **pesä* ‘гнездо’ [UEW: 375]: ФВ I/II а.п. (морд. *pize* (E), *pizä* Род. *pizən* (M), [Raasonen 1990—1996: 1693]) — ПП I а.п. (коми *poz* (S)) — ПС II а.п. (**pitä* ‘гнездо’ [Janhunen 1977: 126]);
7. **tappa* ‘топать ногами, бить стучать’ [UEW: 509]: ФВ I а.п. (морд. *tapa-* (E M) ‘разбить’ [Raasonen 1990—1996: 2264]) — ПП I а.п. (*tapki-* (S) ‘идти, мягко ступая лапами’) — ПС II а.п. (ненец. *tapar-* (O));

ПУ III а.п.: ФВ I а.п. — ПП III а.п. — ПС II а.п. — ПХант. II а.п. — ПМанс. II или IV а.п.

1. **ala* ‘место под чем-либо’ [UEW: 6]: ФВ I а.п. (морд. *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [Raasonen 1990—1996: 22]) — ПП III а.п. (*uljn* (S) ‘под’) — ПС II а.п. (**ilä* ‘почва’ [Janhunen 1977: 24]);
2. **amta-* ‘давать’ [UEW: 8]: ФВ I а.п. (морд. *ando-* (E) *andä-* (M) ‘кормить’ [Raasonen 1990—1996: 42]) — ПП III а.п. (коми *ud-* ‘пить’);
3. **čančV* ~ **čačV* ‘родиться’ [UEW: 53]: ФВ I а.п. (морд. *šačo-*, *čačo-* (E), *šačo-* (M)) — ПП III а.п. (коми *čuž-* (S)) — ПС II а.п. (*tenc* (O) ‘вид’) — ПХант. I/II а.п. (низям. *šóšy*);
4. **čijV* (**čüjV*) ‘дым’ [UEW: 59]: ПП III а.п. (коми *čjn* (S)) — ПХант. II а.п. (низ. *šiwá*);
5. **ečV-* ‘падать’ [UEW: 71]: ПП III а.п. (тим. *úsi* ‘я падаю’) — ПХант. II а.п. (ирт. *Estém* ‘спустил’);
6. **ipV* ~ **ipV-sV* ~ **ipV-šV* ‘вкус, запах’ [UEW: 83]: ПП III а.п. (коми *is* (*isk-*) (S)) — ПС II а.п. (**əptä* ‘запах’ [Janhunen 1977:16]);
7. **jaka-* ‘разделять, резать’ [UEW: 87]: ФВ I а.п. (морд. *javo-* ~ *java-* (E), *javä-* (M) ‘делить’ [Raasonen 1990—1996: 503]) — ПП III а.п. (коми *juk-* (S P) ‘отделять’) — ПС II а.п. (**jəkä*);
8. **joke* ‘река’ [UEW: 99]: ПП III а.п. (коми *ju* (S)) — ПС II а.п. (**jəkä*) — ПХант. II а.п. (ирт. *Jeagá* ‘река’ — низ. *jučán* ‘река’);
9. **kakta* ~ **käktä* ‘два’ [UEW: 118]: ФВ I а.п. (морд. *kavto*, *kafto* (E), *kafta* (M)) — ПП III а.п. (коми *kjk* (S)) — ПС II а.п. (**kitä* ‘два’ [Janhunen 1977: 71]);
10. **kanta* ‘ствол дерева, корень’ [UEW: 123]: ФВ I а.п. (морд. *kando* (E), *kandä*, Gen. *kandän* (M) ‘сваленное дерево, бурелом’ [Raasonen 1990—1996: 595]) — ПП III а.п. (коми *gjd* (S) ‘поворот реки’);
11. **kanV* ‘разбрасывать, посыпать’ [UEW: 125]: ПП III а.п. (коми *kundj-* (Lu. I) ‘закапывать’) — ПХант. II а.п. (ирт. *Хаенэм* ‘копаю’ — низ. *хунты* ‘копать’);
12. **kErV* ‘вид птицы, дятел’ [UEW: 230]: ФВ I а.п. (морд. *keřgata* (E), *kärgä* (M)) — ПП III а.п. (коми *kjř* (P));
13. **kič3* (**küčV*) ‘кнопка, узел’ [UEW: 152]: ПП III а.п. (коми *gižj* (URS) ‘крепкий узел’) — ПС II а.п. (**sisz(-)* ‘завязка’ [Janhunen 1977: 141]);
14. **künče* (**künče*) (~ ? **kiče* (**küče*)) ‘ноготь, коготь’ [UEW: 157]: ПП III а.п. (коми *giž* (S) ‘ноготь’) — ПС II а.п. (**kätä* ‘ноготь’ [Janhunen 1977: 155]) — ПМанс. II а.п. (ср.-обск. *kosčati* ‘царапается’, *kosčateit* ‘царапаются’);
15. **kiñe(-IV)* (**küñe(-IV)*) ‘слезы’ [UEW: 159]: ПП III а.п. (удм. *šin-kjli* (S)) — ПС II а.п. (**kəñälä* ‘слезы’ [Janhunen 1977: 53]);
16. **kintV* (**küntV*) ‘туман, пар, дым’ [UEW: 158]: ПП III а.п. (коми *mjl-kjd* (S) ‘мужество, радость’) — ПС II а.п. (**küntä* ‘дым’ [Janhunen 1977: 79]);
17. **kolme* (**kulme*) ‘три’ [UEW: 174]: ФВ I а.п. (морд. *kolmo* (E), *kolma* (M)) — ПП III а.п. (коми *kujim* (S));
18. **kujV* ‘лежать’ [UEW: 197]: ПП III а.п. (коми *kujli-* (S)) — ПМанс. II а.п. (юконд. *χjji* ‘лежит’, *χjját* ‘лежат’);
19. **kuta* ‘согнутый, гнуться’ [UEW: 201]: ФВ I а.п. (морд. *kota-* (E, M) ‘нагибаться’, *kotafto-* (E) ‘опрокидывать’ [Raasonen 1990—1996: 839]) — ПП III а.п. (коми *kimeš* (S) ‘лоб’) — ПС II а.п. (**kätä-* ‘падать’ [Janhunen 1977: 52]);
20. **kuña* ‘закрывать глаза, моргать’ [UEW: 208]: ФВ I а.п. (морд. *koña* (E), *koñe-* (M)) — ПП III а.п. (коми *kuiñ-* (S) ‘закрывать глаза’) — ПС II а.п. (**kəñä-* ‘закрывать глаза’ [Janhunen 1977: 53]);

21. **kurV* ‘сгибаться’ [UEW: 220]: ПП III а.п. (коми *kirjŕeŕen* (Lu.) ‘косо, недоверчиво’) — ПС II а.п. (**kārā*, **kārā-* ‘кривой’ [Janhunen 1977: 55]);
22. **lamte* ‘низкий, низина’ [UEW: 235]: ФВ I а.п. (морд. *landa-* (E, M) ‘присесть на корточки, сесть’) — ПП III а.п. (коми *lud* (Реç.) ‘долина’) — ПС II а.п. (**lāmtz-* [Janhunen 1977: 61]);
23. **mānV* ‘становиться свободным’ [UEW: 268]: ПП III а.п. (коми *mīn-* (S)) — ПС II а.п. (*mīnaruj* (OP) ‘толстый олень-бык’);
24. **mene* ‘идти’ [UEW: 272]: ПП III а.п. (тим. *mūna*) — ПС II а.п. (**min-* ‘ходить’ [Janhunen 1977: 94]) — ПХант. II а.п. (ирт. *Menidēm* ‘выходил’) — ПМанс. II а.п. (юконд. *el miní* ‘он уходит’, *el minést* ‘они уходят’);
25. **mura* ‘вид ягоды’ [UEW: 287]: ПП III а.п. (коми *mīr-pon* (S)) — ПС II а.п. (ненец. *maran̄ka* (O));
26. **nime* (? **lime*) (**nime* (? **lime*)/**nime*) ‘имя’ [UEW: 305]: ПП III а.п. (коми *nim* (S)) — ПС II а.п. (**nim*, **nim* ‘имя’ [Janhunen 1977: 102]);
27. **nirV* ‘царапать, скрести’ [UEW: 320]: ПП III а.п. (коми *niral-* (S)) — ПС II а.п. (ненец. *nira-* (Sjo. Lj.));
28. **norV* ‘болото’ [UEW: 324]: ПП III а.п. (коми *nur* (S)) — ПС II а.п. (*nurka* (O) ‘осина’);
29. **nulkV* ‘вид хвойного дерева’ [UEW: 327]: ПП III а.п. (коми *nīl* (S)) — ПХант. II а.п. (ирт. *Njalxá* ‘пихта’ — низ. *nudxi* ‘пихта’);
30. **pačkv* ‘через, сквозь, проходить через’ [UEW: 345]: ФВ I а.п. (морд. *pačkode-* (M) ‘добраться’) — ПП III а.п. (*pišji-* (S) ‘бежать’);
31. **pilkV* (**pūlkV*) ‘купаться’ [UEW: 380]: ПП III а.п. (тим. *pul’sa* ‘я парюсь в бане’) — ПХант. II а.п. (ирт. *Pegeđēm* ‘я купаюсь’) — ПМанс. IV а.п. (юконд. *pāuli* ‘он купается’, *pāulet* ‘они купаются’ — об. *pulēht* ‘они купаются’);
32. **pučV* ‘выливаться’ [UEW: 399]: ФВ I а.п. (морд. *počodo-* (E M) ‘насыпать, рассыпать’) — ПП III а.п. (тим. *būždi* ‘я осыпаюсь’) — ПС II а.п. (ненец. *pudarā-*, *pidarā-* (O) ‘падать’);
33. **puna* ‘плести’ [UEW: 402]: ФВ I а.п. (*pona* (E M)) — ПП III а.п. (*pīn-* (Le.)) — ПС II а.п. (**pān-* ‘плести’ [Janhunen 1977: 113]);
34. **pura* ‘сверлить’ [UEW: 405]: ПП III а.п. (*pīr* (P) ‘через’) — ПС II а.п. (**pārājāŋ* ‘сверло’ [Janhunen 1977: 114]);
35. **pušV* ‘дуть’ [UEW: 409]: ПП III а.п. (*puškī-* (S)) — ПМанс. II а.п. (юконд. *pāsí* ‘он дует’, *pāsiját* ‘они дуют’);
36. **šepā* ‘шея’ [UEW: 473]: ФВ I а.п. (морд. *šive*, *šivä* (E), *šivä*, Род. -*en* (M) ‘воротник’, *šiveks* (E) ‘хомут’ [Raasonen 1990—1996: 2164]) — ПП III а.п. (*ši-keč* (S) ‘воротник’);
37. **šilmā* ‘глаз’ [UEW: 479]: ФВ I а.п. (морд. *šélme* (E), *šélmä* Pl. *šélmät* (M) [Raasonen 1990—1996: 2128]) — ПП III а.п. (*šin* (*šinm-*) (SP)) — ПС II а.п. (**sājmā* ‘глаз’ [Janhunen 1977: 132]);
38. **soksV* (**saksV*, **seksV*) ‘сосна кедровая сибирская’ [UEW: 445]: ПП III а.п. (*sus-pu* (V Ud.)) — ПС II а.п. (**tūtājāŋ* ‘сосна кедровая сибирская’ [Janhunen 1977: 160]) — ПХант. I а.п. (низ. *tūgel*);
39. **sula* ‘таять’ [UEW: 450]: ФВ I а.п. (морд. *sola-* (E M) ‘таять’) — ПП III а.п. (тим. *sila* ‘я таю’) — ПХант. II а.п. (низ. *tudāti*);
40. **taje* (**toja*) ‘наклоняться, ломаться’ [UEW: 505]: ПП III а.п. (*tuj-* (S P) ‘пригодный’) — ПС II а.п. (*tujo-* (O) ‘крест, вынуждающий поклониться’);
41. **tuktV* ‘поперечная балка’ [UEW: 534]: ПП III а.п. (*tīk* (*tīkj-*) (Ud.) ‘поперечная древесина’) — ПС II а.п. (**tātā(-)* ‘поперечная балка’ [Janhunen 1977: 149]);
42. **tuna* ‘приучать, учить’ [UEW: 537]: ФВ I а.п. (морд. *tonado-* (E M)) — ПП III а.п. (*tun* (V) ‘предсказатель’) — ПС II а.п. (**tāntā-* ‘учить’ [Janhunen 1977: 147]);
43. **ala* ‘место под чем-либо’ [UEW: 6]: ФВ I а.п. (морд. *al* (M) нижний, находящийся внизу, *alo* (E), *alā* (M) ‘низ, нижний’ [Raasonen 1990—1996: 22]) — ПП III а.п. (коми -*ul* (S) ‘помещение под полом’) — ПС II а.п. (**lā* ‘почва’ [Janhunen 1977: 24]);
44. **wedV* ‘убивать’ [UEW: 566]: ПП III а.п. (коми *vi-* (S) ‘убивать’) — ПМанс. IV а.п. (сосьв. *áli* ‘убивает’, *aléjt* ‘убивают’);
45. **wilā* (**wilā*) ‘верх’ [UEW: 573]: ФВ I а.п. (морд. *vélks* (E), *vélks* (M) верхний, *véldē* (E) ‘через, посредством’, *véldā* (*véldā-*) (M) ‘благодаря, посредством’ [Raasonen 1990—1996: 2605]) — ПП III а.п. (коми *vīl* (S)) — ПС II а.п. (**i(-)* ~ **ni*);

Исключения

1. **kumpra* ‘волна’ [UEW: 203]: ФВ I а.п. (морд. *komba* Род. *kombān* (M) ‘кочка, плавучий островок’, *kum-boldo-*, *kopildi-* (E) ‘быть в бурлящей воде, бурлить’ [Raasonen 1990—1996: 950]) — ПП III/IV а.п. (коми *gīb-* (Vm.) ‘плескаться, играть’) — ПС I а.п. (**kāmpā*, **kāmpā* ‘волна’ [Janhunen 1977: 59]);

2. **maksa* ‘печень’ [UEW: 264]: ФВ I а.п. (морд. *makso* (E), *maksà* (M) [Paasonen 1990—1996: 1162]) — ПП III/IV а.п. (коми *mus* (S)) — ПС I а.п. (**mitä* ‘печень’ [Janhunen 1977: 93]) — Пхант. I а.п. (ирт. *Múugat* ‘печень’ — низ. *múxad* ‘печень’);
3. **enä* ‘большой, много’ [UEW: 74]: ФВ I а.п. (морд. *ine* (E), *inä* (M) ‘большой’ [Paasonen 1990—1996: 463]) — ПП III а.п. (*una* (S) ‘много’) — ПС I а.п. (**inä* ‘старший брат’ [Janhunen 1977: 27]);

ПУ IV а.п.: ФВ II а.п. — ПП IV а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. — ПМанс. I или III а.п.

1. ПУ **kačV* (**kočV*) ‘понимать, знать, быть в состоянии’ [UEW: 114]: ПП IV а.п. (коми *kuž-* (S)) — ПМанс. I а.п. (юконд. *χásat* ‘они умеют’);
2. **konV* (**kana*) (? + *ala*) ‘подмышка’ [UEW: 178]: ПП IV а.п. (коми *kumles* (S) ‘подмышка’) — ПС I а.п. (**kälzη* ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]);
3. **kora* ‘кожа, кожа’ [UEW: 180]: ФВ II а.п. (морд. *kuvo* (E) ‘корка’, *kuva* (M) ‘корка, кора’) — ПП IV а.п. (коми *ku* (S PO) ‘мех’) — ПС I а.п. (**korā* ‘кожа, кожа’ [Janhunen 1977: 73]);
4. **luke* ‘число, считать’ [UEW: 253]: ПП IV а.п. (тим. *vid’á* ‘я считаю’) — ПС I а.п. (ненец. *lāχnā-*);
5. **muške* (**moške*) ‘мыть’ [UEW: 289]: ПП IV а.п. (тим. *mešká* ‘я мою’) — ПС I а.п. (**māsə-* ‘мыть’ [Janhunen 1977: 89]);
6. **nejde* (**nejde*/**nejde*) ‘девочка, дочь’ [UEW: 302]: ПП IV а.п. (коми *njl* (S) ‘детвора’) — ПС I а.п. (**ne* ‘женщина’ [Janhunen 1977: 100]);
7. **nota(-IV)* ‘заяц’ [UEW: 322]: ПП IV а.п. (коми *nima’l* (PO)) — ПС I а.п. (**nāmá* ‘заяц’ [Janhunen 1977: 105]);
8. **nukse* ‘соболь’ [UEW: 322]: ПП IV а.п. (коми *niz* (Lu. PO)) — ПХант. I а.п. (ирт. *Njógos* ‘соболь’ — низ. *núχəs* ‘соболь’);
9. **ončV* ‘нельма’ [UEW: 339]: ПП IV а.п. (*už* (Ud. I)) — ПС I а.п. (**āncz* ‘нельма’ [Janhunen 1977: 18]);
10. **ora* ‘белка’ [UEW: 343]: ФВ II а.п. (морд. *ur* (E), *urá* (M) (Род. -*n*) ‘белка; копейка’ [Paasonen 1990—1996: 2461]) — ПП IV а.п. (*ur* (Le. Ud. P PO));
11. **peje* ‘вариться’ [UEW: 368]: ПП IV а.п. (тим., пик. *piá* ‘я варю’) — ПС I а.п. (коми **pi-* [Janhunen 1977: 123]) — ПМанс. I а.п. (юконд. *pójtæt* ‘они варят’);
12. **poča* ‘влажный’ [UEW: 388]: ПП IV а.п. (коми *pičal-* (S) ‘впитанный’) — ПС I а.п. (ненец. *póda-*);
13. **pojka* ‘сын’ [UEW: 390]: ФВ II а.п. (морд. *bujo*, *pijo* (E) ‘внук, внучка’ [Paasonen 1990: 147]) — ПП IV а.п. (*pi* (S));
14. **pora* ‘пробка’ [UEW: 395]: ПП IV а.п. (коми *pur* (S) ‘открытая плита’) — ПС I а.п. (**párs* ‘нары на четырех ножках’ [Janhunen 1977: 116]);
15. **pure* ‘кусать’ [UEW: 405]: ПП IV а.п. (коми *pur-* (S) ‘разрывать’) — ПМанс. III а.п. (юконд. *pórite* ‘кусают’, *poriját* ‘кусают’);
16. **purkV* ‘снежная буря’ [UEW: 406]: ФВ II а.п. (морд. *porgams*, *purga-* (E), *purgáms*, *pərgá-* (M), *pərgáms* [Paasonen 1994: 1850]) — ПП IV а.п. (коми *pjra* (Lu.)) — ПС I а.п. (ненец. *pārontāj* (O));
17. **saŋca* ‘стоять’ [UEW: 431]: ФВ II а.п. (морд. *šta-* (E, M) ‘вставать’ [Paasonen 1996: 2179]) — ПП IV а.п. (коми *siž-* (I) ‘обосноваться’) — ПМанс. III а.п. (юконд. *túnei* ‘стоит’, *tunéat* ‘они стоят’);
18. **sejV* ‘причесываться’ [UEW: 439]: ФВ II а.п. (морд. *seme*, *säme*, *sämä* (E), *sämä*, *semä* (M) ‘щетка’) — ПП IV а.п. (*sjnal-* (S)) — ПС I а.п. (**tiä-* ‘расчесывать’ [Janhunen 1977: 62]);
19. **šorwa* ‘рог’ [UEW: 486]: ФВ II а.п. (морд. *šuro*, *šura* (E), *šura* (M)) — ПП IV а.п. (коми *šur* (S));
20. **šodka* ‘вид утки’ [UEW: 482]: ФВ II а.п. (морд. *šulgo* (E), *šulga*, *čulga* (M)) — ПП IV а.п. (коми *šul(t)-čəž*);
21. **šülkV* ‘летать, парить’ [UEW: 500]: ПП IV а.п. (коми *šilgi-* (S)) — ПМанс. I а.п. (обск. *tīlamleget* ‘летят’);
22. **täwe* ‘легкое’ [UEW: 519]: ПП IV а.п. (коми *tj* (S P)) — ПС I а.п. (**tiv¹ə* ‘легкое’ [Janhunen 1977: 164]);
23. **uje* ~ **oje* ‘плавать’ [UEW: 542]: ПП IV а.п. (тим. *ujá* ‘плаваю’) — ПС I а.п. (**u-* ‘плавать’ [Janhunen 1977: 29]) — ПХант. I а.п. (ирт. *Úđjem*);
24. **wáčV* ~ **wančV* ‘корень’ [UEW: 548]: ПП IV а.п. (коми *viž* (S)) — ПС I а.п. (**wāncz(-)* ‘корень’ [Janhunen 1977: 171]);

Исключения

1. **kOrnV* ‘ворон’ [UEW: 228]: ФВ II а.п. (морд. *k’renč*, *k’renš*, *k’ránš* (E), *krañč* (M)) — ПП IV а.п. (коми *kjrnjš* (S)) — ПС II а.п. (**kərnəjə(-)* ‘ворон’ [Janhunen 1977: 55]);
2. **kota* ‘дом, чум’ [UEW: 190]: ФВ II а.п. (морд. *kudo* (E), *kud* (M) ‘дом’ [Paasonen 1992: 922]) — ПП I а.п. (коми *ker-ka* (S));

Таким образом, оказывается, что четыре акцентные парадигмы в непроизводной лексике, сохранившиеся в виде реликтов в речи некоторых носителей коми-пермяцких диалектов (нижне-иньвенского, кудымкарского, литературного коми-пермяцкого), восходят к трем прауральским акцентным парадигмам.

В следующих публикациях мы планируем гипотезу о трех акцентных парадигмах в прауральском языке верифицировать на полном материале этимологий [UEW]⁴⁴.

Сокращения

Языки и диалекты

а.п. — акцентная парадигма	ПС — прасамодийский язык
кам. — камасинский	ПСельк. — праселькупский язык
коми	ПУ — прауральский язык
виш. — вишерский	ПХант. — прахантыйский язык
воств. — восточновычегодский	ирт. — иртышский диалект хантыйского языка
вс. — верхнесысольский	низ. — низямский диалект хантыйского языка
доег. — доеговский говор коми-пермяцкого языка	саам. — саамские языки
дп — древнепермский язык	Сельк. — общеселькупский язык
кудым. — кудымкарский диалект коми	кет. — кетский диалект селькупского языка
кя — коми-язьвинский язык	нар. — нарымский диалект селькупского языка
лит. к.-п. — литературный коми-пермяцкий язык	таз. — тазовский диалект селькупского языка
нижнеин. — нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка	ср.-обск. — средне-обской диалект селькупского языка
пик. — пикановский говор коми-пермяцкого языка	удм. — удмуртский язык
манс. — мансийский язык	S — сарапульский диалект удмуртского языка
сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка	K — казанский диалект удмуртского языка
ср.-обск. — средне-обской диалект мансийского языка	G — глазовский диалект удмуртского языка
тавд. — тавдинский диалект мансийского языка	юз. — юго-западные диалекты удмуртского языка
юконд. — юкондинский диалект мансийского языка	фин. — финский язык
морд. — мордовские языки	ФВ — прафинно-волжский язык
нган. — нганасанский язык	ФП — прафинно-пермский язык
ненец. — ненецкий язык	ФУ — прафинно-угорский язык
ПП — прапермский язык	энец. — энецкий язык

Общие

Du — двойственное число	Praes — настоящее время
Imp — повелительное наклонение	Praet — прошедшее время
Gen — родительный падеж	Sg — единственное число
Pl — множественное число	

Литература

Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 7—39. {Amelina M. K. Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects) // Ural-Altai Studies. 2011. Vol. 2, 5. P. 7—39.}

Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка (гыданский диалект) // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—55. {Amelina M. K. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets (the Gydan dialect) // Ural-Altai Studies. 2012. Vol. 1, 6. P. 7—55.}

Баталова 1975 — Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {Batalova R. M. Komi-Permyak dialectology. M., 1975.}

⁴⁴ В настоящей статье не были рассмотрены слова, у которых нет параллелей в пермских языках.

- Баталова 1990 — *Баталова Р. М.* Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. {*Batalova R. M.* The On dialect of Komi-Permyak. M., 1990.}
- Баталова, Кривошекова-Гантман 1985 — *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкий словарь. М., 1985. {*Batalova R. M., Krivoshechekova-Gantman A. S.* Komi-Permyak dictionary. M., 1985.}
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. М., 2000. {*Dybo V. A.* Morphophonologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis. M., 2000.}
- Иванова 2006 — *Иванова Г. С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. {*Ivanova G. S.* Vowel system of Moksha dialects in the historical aspect. Saransk, 2006.}
- Кузакова 1963 — Кузакова Е.А. Южно-мансийский (кондинский) диалект. Л., 1963 {*Kuzakova E. A.* Southern Mansi (Konda) dialect. L., 1963.}
- Лыткин 1955 — *Лыткин В. И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). М., 1955. {*Lytkin V. I.* Dialectological reading-book on Permian languages (with dialect survey and a dialectological dictionary). M., 1955.}
- Лыткин 1961 — *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961. {*Lytkin V. I.* Komi-Yazva dialect. M., 1961.}
- Лыткин 1964 — *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964. {*Lytkin V. I.* Historical vocalism of Permian languages. M., 1964.}
- Лыткин 1965 — *Лыткин В.И.* Вопросы акцентуации пермских языков. // *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literatur-forschung.* Berlin, 1965. P. 257—265. {*Lytkin V. I.* Issues in Permian accentuation // *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literatur-forschung.* Berlin, 1965. P. 257—265.}
- Лыткин 1970 — *Лыткин В. И.* Проблема лексического ударения в прафинно-угорских языках. // *ALH*, 1970, 4. P. 245—263. {*Lytkin V. I.* Problem of the lexical accent in Proto-Finno-Ugric languages // *ALH*. 1970. Vol. 4. P. 245—263.}
- Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaya Yu. V.* Reconstruction of the Proto-Finno-Volgaic accent. M., 2008.}
- Норманская 2010а — *Норманская Ю. В.* Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентных систем // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. Сборник статей к юбилею В. А. Виноградова. М., 2010. С. 623—639. {*Normanskaya Yu. V.* Relationship between the Proto-Permian and Proto-Finno-Volgaic accent systems // In the space of language and culture: sound, sign, meaning. A collection of articles for the anniversary of V. A. Vinogradov. M., 2010. P. 623—639.}
- Норманская 2010б — *Норманская Ю. В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Вопросы урало-алтайстики. СПб, 2010. С. 260—296. {*Normanskaya Yu. V.* A new look on the history of Permian vocalism: a description of the first syllable vocalism development in Komi and Udmurt depending on the Proto-Permian accent and the vowel of the second syllable // *Issues in Uralic Studies.* SPb, 2010. P. 260—296.}
- Норманская 2012а — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. *Часть I.* Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 117—148. {*Normanskaya Yu. V.* Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects // *Ural-Altaic Studies.* 2012. Vol. 1, 6. P. 117—148.}
- Норманская 2012б — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. *Часть II.* Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 59—81. {*Normanskaya Yu. V.* Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. II. External correspondences of the Selkup word accent in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages // *Ural-Altaic Studies.* 2012. Vol. 2, 7. P. 59—81.}
- Норманская 2013 — *Норманская Ю. В.* Разгадка принципов постановки ударения в васюганском диалекте хантыйского языка // Томский Журнал Лингвистических и Антропологических Исследований. 2013, 2 (2). С. 56—69. {*Normanskaya Yu. V.* The Solution to the Principle of Word Stress Assignment in Vasjugan Khanty // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology.* 2013. Vol. 2, 2. P. 56—69.}
- Норманская 2014 — *Норманская Ю. В.* Система ударения в низямском диалекте хантыйского языка (экспедиционные данные) и ее параллели в южно-хантыйском (по материалам архива М. А. Кастрена) // *Linguistica Uralica.* 2014, 4. С. 283—302. {*Normanskaya Yu. V.* The accent system in the Nizjam and Southern Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica.* 2014. Vol. 4. P. 283—302.}
- Норманская 2015а — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. *Часть I.* Обской диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С. 51—67. {*Normanskaya Yu. V.* The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part I. The Ob dialect of Mansi // *Ural-Altaic Studies.* 2015. Vol. 2, 17. P. 51—67.}
- Норманская 2015б — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. *Часть II.* Юкондинский диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 88—103. {*Normanskaya Yu. V.* The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part II. The Yukonda dialect of Mansi // *Ural-Altaic Studies.* 2015. Vol. 3, 18. P. 88—103.}

- Понарядов 2014 — *Понарядов В. В.* О финно-пермском вокализме // Вопросы уралистики. СПб, 2014, С. 755—758. {*Ponaryadov V. V.* On the Finno-Permic vocalism // Issues in Uralic Studies. SPb, 2014. P. 755—758.}
- Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык: Фонетика. Морфология. Словообразование. М., 1973. {*Rombandeeva E. I.* Mansi (Vogul) language: Phonetics. Morphology. Word-formation. M., 1973.}
- Сайнахова 2012 — *Сайнахова А. И.* Современный мансийский язык (фонетика, орфоэпия, графика, орфография, лексикология, фразеология, лексикография). Ханты-Мансийск, 2012. {*Saynakhova A. I.* Modern Mansi (phonetics, orthoepy, graphics, orthography, lexicology, phraseology, lexicography). Khanty-Mansiysk, 2012.}
- Aikio 2002 — *Aikio A.* New and Old Samoyedic Etymologies // Finnisch-ugrische Forschungen Band 56, С. 9—57.
- Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von *Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammenge stellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
- Aikio 2012 — *Aikio A.* On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic *x. // Eds. *T. Hyttiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi and E. Sandman*, Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Helsinki, 2012. P. 227—250.
- Csúcs 2005 — *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Geisler 2005 — *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden, 2005.
- Hajdú 1966 — *Hajdu P.* Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966.
- Itkonen 1953 — *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in permischen Sprachen // FUF, 1953. B. 31. S. 150—345.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Kannisto 2014 — Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von *Artturi Kannisto*. VII Band. Wörterverzeichnis zu den Bänden I—VI. Bearbeitet von Matti Liimola und Vuokko Eiras. Helsinki 1982.
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU 13).
- Munkácsi, Kálmán 1986 — Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak texts in the Obdorsk dialect. Studia Uralica. Bd 9. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Normanskaja in print — *Normanskaja Ju. V.* Reconstruction of the 14th and 15th Proto-Samoyedic vowels // Nordsci Proceedings 2018. In print.
- Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I-IV, Helsinki, 1990—1996.
- Rédei 1968 — *Rédei K.* A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // NyK, 1968, Bd. LXX. S. 35—45.
- Reshetnikov, Zhivlov 2011 — *Reshetnikov K. Y., Zhivlov M. A.* Studies in Uralic vocalism II: Reflexes of Proto-Uralic *a in Samoyed, Mansi and Permic // Journal of Language Relationship. 2011. Vol. 5. P. 96—109.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.
- Wichmann 1915 — *Wichmann Y.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki, 1915. (первое издание в MSFOu, 1897).
- Zhivlov 2010 — *Zhivlov M. A.* Studies in Uralic vocalism I: A more economical solution for the reconstruction of the Proto-Permic vowel system // Journal of Language Relationship. 2010. Vol. 4. P. 167—176.
- Zhivlov 2014 — *Zhivlov M. A.* Studies in Uralic vocalism III // Journal of Language Relationship. 2014. Vol. 12. P. 113—148.

РЕЗЮМЕ

В этой статье проводится анализ полевых данных о разноместном ударении в глагольных парадигмах, собранных Л. Г. Пономаревой в 2016—2018 годах в населенных пунктах Юсьвинского района Коми-пермяцкого округа Пермского края, расположенных на расстоянии 30 км друг от друга: с. Доег, Тимино, д. Пиканово, Тукачево. Сравнительный анализ этих данных с уже опубликованными материалами о финно-волжских, прасамодийских, хантыйских и мансийских ацентных парадигмах позволяет реконструировать уральские акцентные парадигмы и установить, что пермские глагольные парадигмы являются прямыми наследниками прауральских.

SUMMARY

This article analyzes the field data on phonological paradigmatic accent in the verbal paradigms, which were collected by L. G. Ponomareva in 2016—2018 in various settlements of the Yus'va district (Permskiy Krai) located at a distance of 30 km from each other: Doeg, Timino, Pikunovo, Mukachevo. Comparative

analysis of these data with the already published materials on Finno-Volga, Proto-Samoyedic, Khanty and Mansi accent paradigms allows to reconstruct the accent paradigm for the Proto-Uralic language, and to discover that Permic verbal paradigms are very archaic and directly succeed the Proto-Uralic ones.

Ключевые слова: ударение, гласные, сравнительно-историческое языкознание, пермские языки, финно-волжские языки, самодийские языки, обско-угорские языки, прауральский язык

Keywords: accent, vowels, comparative-historical linguistics, Permic languages, Finno-Volga languages, Samoyedic languages, Ob-Ugric languages, Proto-Uralic language

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru